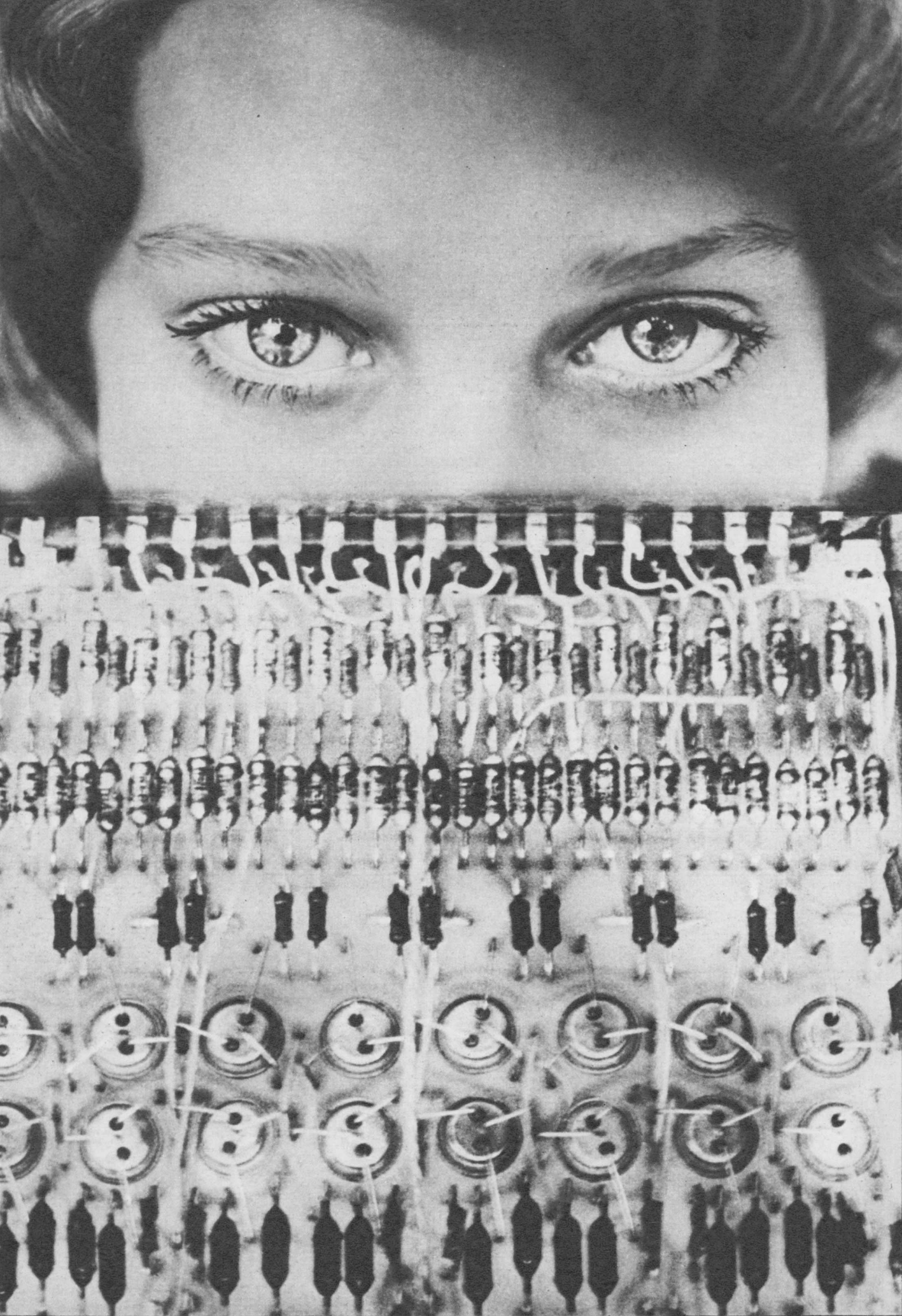

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 14 АПРЕЛЬ 1977

В эпоху высокой точности.

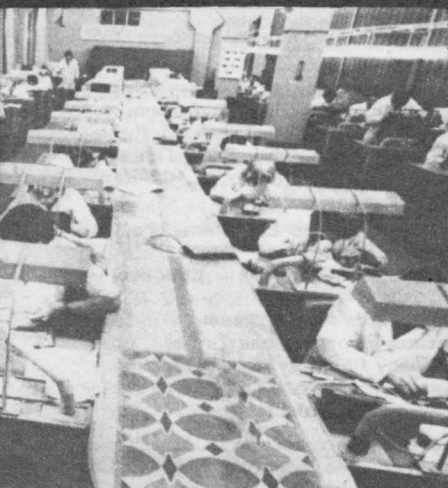
за строкой
обязательств

РАБОЧАЯ Ю

Люда и Миша Александровы.

Цех-30

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 14 (2595)

2 АПРЕЛЯ 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1977

КАЧЕСТВО РАБОТЫ — ПОНЯТИЕ ОЧЕНЬ ЕМКОЕ. ОНО СЛАДЫВАЕТСЯ ИЗ МНОГИХ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И ВМЕСТЕ С ТЕМ ОХВАТЫВАЕТ ШИРОКИЙ КРУГ МОРАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из речи на XVII съезде ВЛКСМ.

М. АЛЕКСАНДРОВ
Фото А. БОЧИНИНА

Немногим более полувека назад, в декабре 1923 года, в одном из пустующих, нежилых помещений на Нижней Красносельской улице была оборудована механическая мастерская по ремонту счетных машин. Двое мастеровых людей — коммунист В. А. Томский и питерский рабочий П. И. Соловьев — учили здесь ремеслу студенческую братву из Московского университета. Впрочем, мастерская эта именно для того и была создана, чтобы дать возможность студентам подработать на хлеб насущный.

Наступила пора первых пятилеток. Мастерская стала заводом, занимающим заметное место среди предприятий растущей московской индустрии. Так что теперь у него уже и история своя есть и даже музей, где на стендах мы видим групповые фотографии — «семейные снимки», на которых запечатлены рабочие династии завода: Ефимовы, Панкратовы, Калмыковы, Михайловы, Мельниковы, Леонтьевы. Основатели династий, седовласые ветераны, располагаются на фото, как положено, на почетном месте, в центре, а вокруг — сыновья, дочери, невестки, внуки — представители разных заводских поколений вплоть до дней нынешних.

Продолжение см. на стр. 9.

НОСТЬ МОСКВЫ

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

В Москву 26 марта прибыл государственный секретарь США Сайрус Р. Вэнс для обсуждения вопросов, касающихся заключения соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений, а также обмена мнениями по другим вопросам, представляющим взаимный интерес для СССР и США.

28 марта в Кремле состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с государственным секретарем США С. Вэнсом.

Состоялся обмен мнениями по принципиальным вопросам советско-американских от-

ношений. С советской стороны была подчеркнута готовность — в той мере, в какой готовы США, — находить взаимоприемлемые решения существующих вопросов в двусторонних отношениях и в деле урегулирования международных проблем, неуклонно продвигаясь вперед на основе достигнутого за предшествующие годы прогресса в советско-американских отношениях. Одновременно была дана надлежащая оценка тем моментам в политике США, которые не согласуются с принципами равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга и взаимной выгоды, без соблюдения которых невозможно конструктивное развитие отношений между двумя странами.

С. Вэнс заявил о намерении правительства США продолжить курс на позитивное развитие отношений с Советским Союзом и поиски договоренностей по вопросам, представляющим взаимный интерес.

На беседе присутствовали: с советской стороны — посол СССР в США А. Ф. Добрынин, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко; с американской стороны — посол США в СССР М. Тун, директор агентства по разоружению и контролю над вооружением П. Уорнке и заместитель государственного секретаря США Ф. Хабиб.

ХУДОЖНИКИ В БОРЬБЕ ЗА МИР

Остановить гонку вооружений, сделать международную разрядку необратимой! Этот благородный девиз определяет яркую публицистическую направленность международной выставки «Сатира в борьбе за мир». В экспозиции, развернутой в залах Академии художеств СССР, представлено около 600 произведений — от газетного рисунка до политического плаката.

Они свидетельствуют об активной гражданской позиции мастеров изобразительного искусства, выступающих за мир и сотрудничество между народами. Яркое отражение в их работах находят исторические решения XXV съезда, положения и выводы, содержащиеся в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, выдающийся вклад Страны Советов в разрядку международной напряженности. В одном строю борцов за мир выступают известные художники Х. Бидstrup (Дания) и Ж. Эффель (Франция), О. Харингтон (США) и А. Байер-Ред (ГДР), Карлучио (Куба) и Р. Маринов (НРБ), другие прогрессивные мастера. Большое место в залах выставки отведено работам советских художников-сатириков, в том числе Кукрыниксов, Б. Ефимова, М. Абрамова и других.

Международную выставку 25 марта посетили и с большим вниманием ознакомились с представленными на ней работами товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демишев, Б. Н. Пономарев, М. С.

Во время посещения выставки.

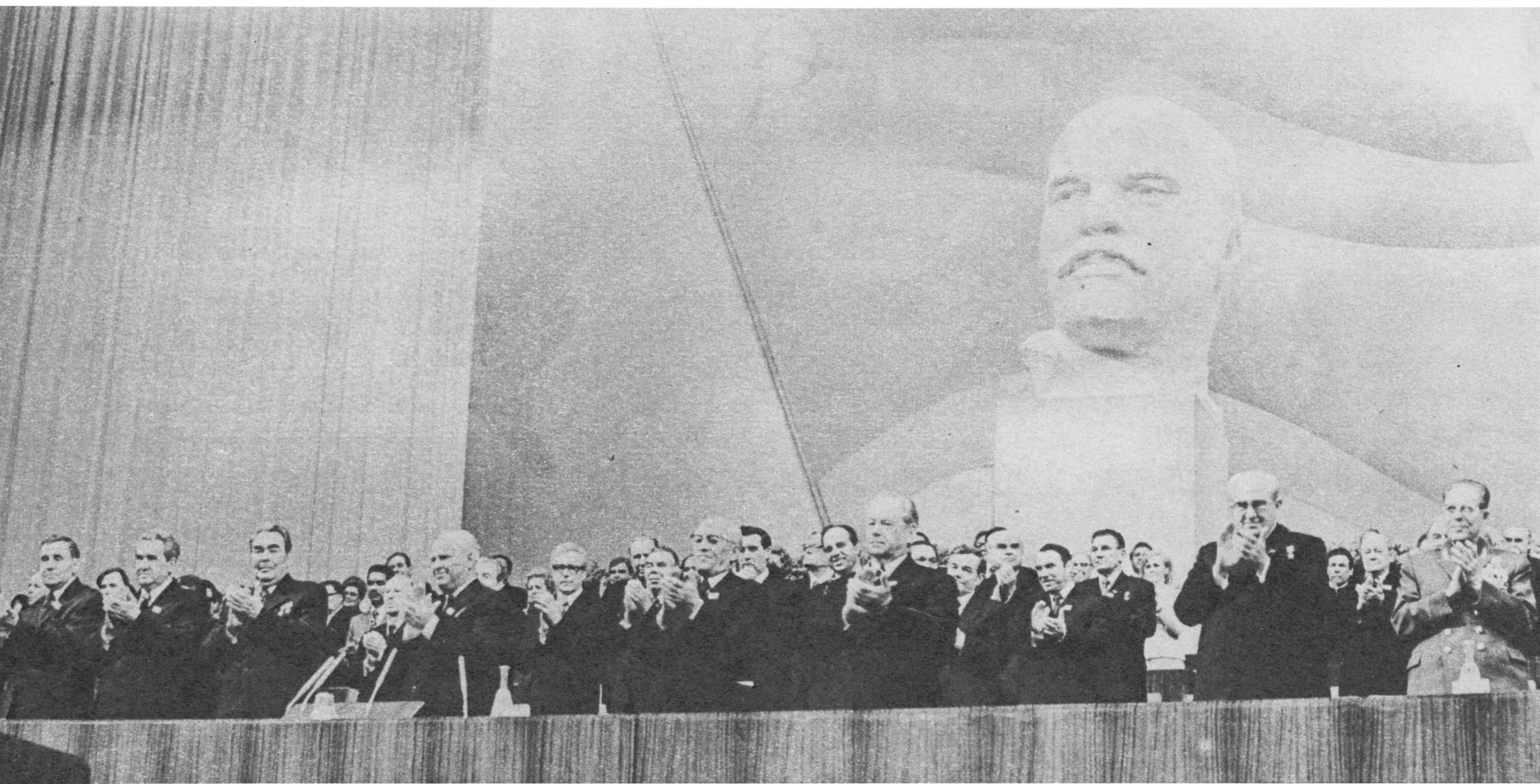
Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, Я. П. Рябов.

Руководителей Коммунистической партии сердечно приветствовал президент Академии художеств СССР Н. В. Томский. При осмотре экспозиции были заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, председатель правления Союза художников СССР Н. А. Пономарев, первый секретарь правления Союза художников СССР Т. Т. Салахов, видные масте-

ра советского изобразительного искусства — М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов, Б. Е. Ефимов, Д. А. Налбандян, Ф. П. Решетников.

Товарищ Л. И. Брежнев, другие советские руководители дали высокую оценку экспозиции и пожелали художникам, посвятившим свой благородный труд делу защиты мира, новых творческих успехов в широкой пропаганде темы международной разрядки и сотрудничества.

25 марта 1977 года. Москва, Кремлевский Дворец съездов. Заключительное заседание XVI съезда профсоюзов СССР. В президиуме съезда.

К НОВЫМ РУБЕЖАМ

Пять дней в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, работал XVI съезд профессиональных союзов СССР.

25 марта, в заключительный день работы съезда, бурными, продолжительными аплодисментами, стоя делегаты и гости встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакова, Д. Ф. Устинова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, К. Ф. Катусева, М. В. Зимянина, К. У. Черненко, Я. П. Рябова.

Съезд единодушно одобрил работу Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов за отчетный период.

Было принято постановление о частичных изменениях и дополнениях в Уставе профессиональных союзов СССР.

С огромным воодушевлением съезд принял приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу.

XVI съезд профсоюзов СССР объявляется закрытым. Делегаты и гости с большим подъемом исполняют «Интернационал».

25 марта состоялся пленум Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, избранного на XVI съезде профсоюзов СССР. Председателем ВЦСПС пленум избрал А. И. Шibaева.

В зале заседаний.

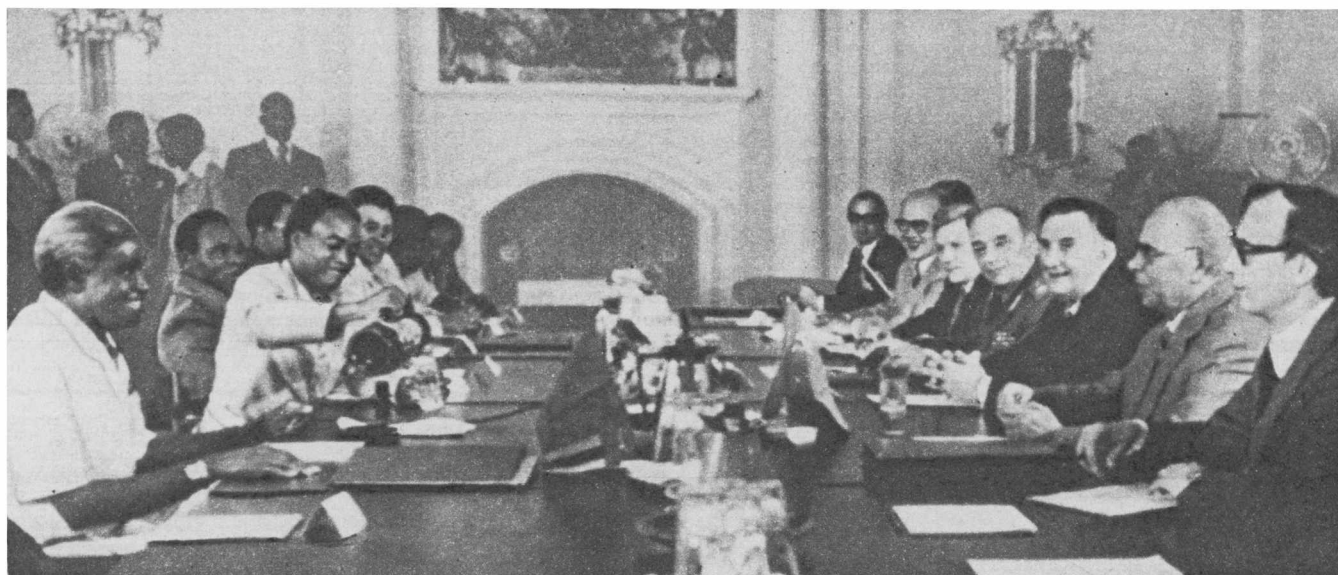
Фото А. Гостева.

Переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Председателем Революционной партии, Президентом Объединенной Республики Танзании Дж. Ньерере.

Телефото В. Будана [ТАСС]

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

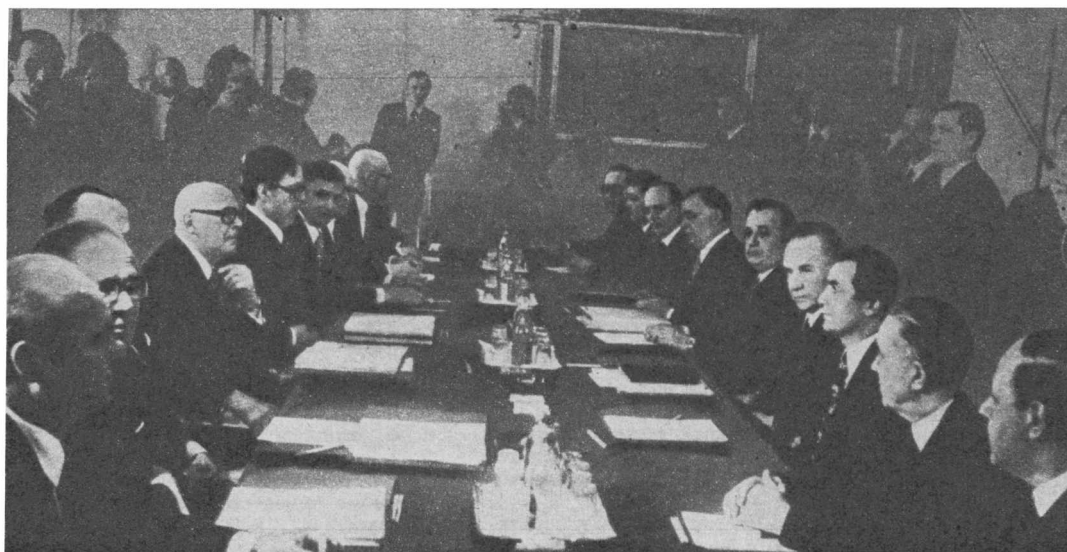
Во время переговоров между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и председателем Объединенной партии национальной независимости, Президентом Республики Замбии К. Каундой.

Телефото В. Будана [ТАСС]

В ДУХЕ ДРУЖБЫ И ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

По приглашению Президента Финляндской Республики Урхо Кекконена Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин находился с дружественным визитом в Финляндии с 22 по 26 марта 1977 года.

А. Н. Косыгин и сопровождающие его лица приняли участие в церемониях пуска в эксплуатацию атомной электростанции в г. Ловиса и второй очереди металлургического комбината «Раутарунки» в г. Рахе, построенных в сотрудничестве между Советским Союзом и Финляндией, а также

Хельсинки. Переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Президентом Финляндской Республики У. К. Кекконеном.

Телефото А. Стужина [ТАСС]

МЫ — ЗА ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗРЯДКИ

Владимир НИКОЛАЕВ

По приглашению Президента Объединенной Республики Танзании Джулиуса К. Ньерере член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный с 22 по 26 марта 1977 года находился с официальным визитом в Объединенной Республике Танзании.

В ходе визита между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Президентом Объединенной Республики Танзании Джулиусом К. Ньерере состоялись переговоры.

На переговорах, проходивших в атмосфере доверия, дружбы и взаимопонимания, был проведен обмен мнениями о дальнейшем развитии дружественных связей и сотрудничества между Советским Союзом и Танзанией, а также по некоторым актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес. Важное место в переговорах заняли вопросы, связанные с положением на юге Африки, борьбой африканских народов за ликвидацию остатков колониализма и расизма.

Во время визита были подписаны: торговое соглашение между СССР и ОРТ, соглашение между правительством СССР и правительством ОРТ о культурном и научном сотрудничестве, протокол о культурном и научном сотрудничестве на 1977—1978 годы.

26 марта в Республику Замбия по приглашению Президента Замбии К. Каунды прибыл с официальным визитом член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

С 27 по 28 марта проходили переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и председателем Объединенной партии национальной независимости, Президентом Республики Замбии К. Каундой.

Переговоры проходили в деловой обстановке и в духе взаимопонимания.

28 марта состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного с руководителями национально-освободительных организаций юга Африки: О. Тамбо — Африканский национальный конгресс Южной Африки (АНК), Дж. Нкомо — Патристический фронт Зимбабве, С. Нуйома — Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО).

Н. В. Подгорный выразил солидарность с борьбой народов ЮАР, Намибии, Зимбабве против колониально-расистского гнета, за свободу, национальную независимость и равноправие. Было подчеркнуто, что советский народ будет и впредь неизменно выступать на стороне справедливого дела борцов за освобождение юга Африки.

Встреча прошла в теплой, товарищеской обстановке.

посетили г. Тампере, где ознакомились с Музеем В. И. Ленина и машиностроительным заводом «Тампелла».

Между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Президентом Финляндской Республики Урхо Кекконеном состоялись беседы, в ходе которых в духе дружбы и делового сотрудничества были обсуждены вопросы дальнейшего развития советско-финляндских отношений, а также актуальные международные проблемы.

26 марта член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин встретился с руководителями Компартии Финляндии — Председателем КПФ А. Саариненом, вице-председателем КПФ Т. Синисало, Генеральным секретарем партии А. Аалто, Почетным председателем КПФ В. Пессии, членами Политбюро ЦК КПФ У. Йокиненом и Э. Кивимяки.

В ходе беседы, прошедшей в теплой, товарищеской обстановке, в духе братских отношений, существующих между обеими партиями, состоялся обмен информацией о деятельности КПСС и КПФ. Обсуждались также вопросы советско-финляндского сотрудничества и современного международного положения.

Неустанная и многообразная деятельность нашей партии и Советского государства на международном поприще определяется сегодня программой дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, принятой XXV съездом. Мы — за продолжение разрядки, которая уже стала вполне реальной силой развития современности. Мы за то, чтобы процесс ее стал необратимым.

Завершая глубокий анализ международной обстановки в речи на XVI съезде профессиональных союзов СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал, что нет более высокого долга и нет большего счастья, чем работать во имя прекрасной, гуманной цели — устойчивого мира. В своей внешней политике, сказал Л. И. Брежнев, мы и наши социалистические союзники твердо следуем ленинским курсом мира.

К сожалению, есть еще немалые силы, стоящие на пути разрядки. Ими предпринимаются попытки нарушить конструктивный международный диалог, расшатать социалистический строй. Ими организована шумиха о так называемых «инакомыслящих», о «нарушении прав человека» в странах социализма. Попытка с негодными средствами! Даже весьма консервативный американский еженедельник «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» пишет: «Если Соединенные Штаты будут в этом упорствовать, они обнаружат, что роль мирового жандарма-моралиста столь же трудна, неблагоприятна и, возможно, так же опасна, как и их прежняя роль мирового жандарма в военной области».

С одной стороны, в Вашингтоне говорят, что будут активно поддерживать так называемых «диссидентов». С другой стороны, обещают добиваться достижения договоренности с Советским Союзом по конкретным проблемам разрядки. И утверждают, что это, мол, разные вопросы, что не надо их смешивать. Но демагогические построения по поводу «прав человека» оборачиваются попыткой вмешиваться во внутренние дела других стран и осложняют международную обстановку. В речи на съезде профсоюзов Л. И. Брежнев сказал: «Между тем претензии Вашингтона учить жить других не могут, я полагаю, быть приняты ни одним суверенным государством, не говоря уже о том, что для таких претензий не дают оснований ни положение дел в самих США, ни их действия и политика во внешнем мире».

В полном соответствии с решениями XXV съезда КПСС наша страна стремится строить свои отношения с капиталистическими государствами на основе долговременного взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах в интересах укрепления всеобщего мира. Пример тому — заключенные между СССР и США в 1972—1974 годах важные договоры и соглашения о сотрудничестве во многих областях. И не наша вина, что в этих отношениях наблюдается определенный застой. Сама американская сторона объясняла его предвыборной кампанией. Но вот истекли два месяца пребывания у власти в Вашингтоне новой администрации, не пора ли проявить стремление к ликвидации этого застоя?

В речи на съезде профсоюзов Л. И. Брежнев указал, что имеются большие объективные возможности для дальнейшего развития советско-американского сотрудничества. Это, во-первых, завершение подготовки и подписание уже согласованного в основном в 1974 году нового соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений и дальнейшего продвижения на этой основе к взаимному сокращению вооружений при строгом соблюдении принципа равенства и одинаковой безопасности сторон. Л. И. Брежнев назвал и другие насущные задачи: совместные инициативы в области запрещения и ликвидации наиболее опасных смертоносных видов химического оружия, широкое развитие взаимовыгодных торгово-экономических связей на основе устранения созданных США дискриминационных препон, согласованные действия в целях достижения справедливого и прочного мирного урегулирования на Ближнем Востоке. При решении последней проблемы наша страна считает бесспорным вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий.

Неотложных задач на пути разрядки немало. Важным и актуальным является запрещение всех испытаний ядерного оружия, ограничение возможности качественного совершенствования ядерных вооружений, появления новых видов такого оружия. Не менее актуально предложение стран Варшавского Договора о неприменении первыми ядерного оружия друг против друга всеми государствами — участниками общеевропейского совещания. Наша страна готова вплоть до достижения договоренности о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе не увеличивать численность наших войск в этом районе, при условии, что силы НАТО здесь также не будут расти. Л. И. Брежнев в своей речи призвал: «Примите это предложение, уважаемые партнеры по переговорам, примите как первый реальный шаг на пути к сокращению вооруженных сил! Право же, от этого никто не проиграет, а дело мира, дело безопасности народов только выиграет».

Речь Л. И. Брежнева на съезде профсоюзов вызвала огромный интерес во всем мире. Американская газета «Вашингтон пост» указывает на готовность Советского Союза вести переговоры с США, поскольку Генеральный секретарь ЦК КПСС «выдвинул ряд интересных предложений». Газета отмечает, что тщательно сформулированные высказывания Л. И. Брежнева свидетельствуют о возможности достигнуть соглашения по самому важному вопросу — ограничению ядерных вооружений. Французская газета «Матэн де Пари» пишет, что выступление Л. И. Брежнева свидетельствует о явном стремлении к сдержанности и реализму.

Время не ждет. Проблемы обуздания гонки вооружений неотложны. Они должны быть решены!

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

КРЫЛЬЯ НАД ПОЛЯМИ

Накануне в колхозе «Кубань» прошел не по-весеннему сильный дождь. С самого утра клубился густой туман. Погода была явно нелетная. Прояснилось лишь к середине дня, и пилот самолета АН-2М Виталий Лебедев получил разрешение на вылет.

В колхозе «Кубань» экипаж Лебедева трудился и все прошлое лето. «Крылатым агроно-

мам» приходилось бороться с луговым мотыльком на посевах подсолнечника и кукурузы, подкармливать пшеницу минеральными удобрениями, уничтожать сорняки.

Пилоты по этому поводу шутили замечают:

— Нам, летчикам, осталось только освоить уборку зерна с воздуха.

Краснодарское ордена Трудового Красного Знамени авиационное предприятие — одно из лучших в стране.

В тесном содружестве с авиаторами работают сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института применения гражданской авиации в народном хозяйстве. Наш корреспондент взял короткое интервью у начальника института И. Е. РЯЗАНОВА.

— Хлебобобы Кубани обязались собрать в этом году очень высокие урожаи — по 50 центнеров пшеницы с каждого гектара, по 100 центнеров риса, по 500 центнеров сахарной свеклы...

— Конечно, земледельцы теперь не мыслят своей работы без авиации. И эти высокие обязательства приняли, можно сказать, и авиаторы Кубани.

— А кроме сельского хозяйства, где еще находят применение разработки института?

— Авиация стала и на службу охраны окружающей среды.

По заказу горняков и энергетиков институтом выполнены исследования и предложен способ оперативного авиационного контроля приземного слоя атмосферы и закрепления пылящих поверхностей отвалов горно-обогатительных комбинатов и тепловых электростанций.

Известно, насколько трудоемки еще работы на строительстве линий электропередач. Там, где прокладка троса через болота и снега занимает от трех до шести дней, с помощью специального приспособления, разработанного энергетиками совместно с учеными института, вертолет выполняет ту же работу... за 15 минут.

Недавно пришло к нам письмо из Кореновского райкома партии. Благодарят наших специалистов за то, что в небывало короткий срок установили котлы на сахарном заводе. Сделали они это с воздуха. Монтаж наземными средствами занял бы месяц, а вертолет все сделал за четыре дня и с минимальными затратами. Так авиаторы помогли заводу быстрее и лучше подготовиться к сезону сахароварения.

Г. ГОЛЬШТЕЙН

На снимке: Самолет В. Лебедева над колхозным полем.

Фото В. Артисевича

С МИРА... ПО ДЕРЕВУ
МИНСК

Сперва, еще в тридцатые годы, они селились здесь поодиночке: деревья из дальних стран — зеленая, седая, серая псевдотсуга, потом из Северной Америки сюда привезли сосну Муррея, ель канадскую, дуб красный. Здесь же высадили бархат амурский, орех маньчжурский, лиственницу сибирскую.

Здесь — это под Минском, в Прилукском лесном массиве. А теперь тут из образцов растительного мира Европы, Азии, Америки выращен лес на площади более чем в 500 гектаров. Это единственное место в Белоруссии, где деревья, привезенные с разных континентов, растут не отдельными экземплярами или небольшими группами, а целым лесом. 500 зеленых гектаров помогают дышать большому городу, служат своеобразным наглядным пособием студентам, будущим лесоводам.

Прилукская зона под Минском объявлена государственным заказником, четырнадцатым по счету в республике.

И. ХРУСТАЛИН,

инженер
Государственного комитета
Совета Министров БССР
по охране природы

УЗБЕКИСТАН

ТАЙНА ПЕЩЕРЫ ТИМУРА

Неподалеку от местечка Ташкуртан, Кашнадарьинской области, там, где склоны белы и летом — не от снега, а от цветения сладкого миндаля, — есть пещера, которая издавна называется пещерой Тимура. По преданию, в ней укрывался от кочевников Тамерлан со своими приближенными. Никто не проверял достоверность этой истории. Но как бы там ни было, лучшего места для убежища Тимуру трудно было бы найти.

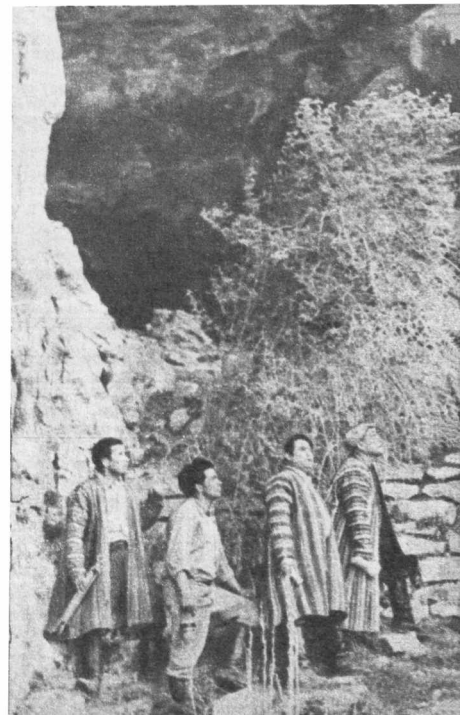
Нелегко и долго путь к пещере, особенно с кладью. Отправляясь сюда, можно довериться лишь осторожным и выносливым лошадям местной породы — карабаирам. Года четыре тому назад к этой пещере добрались за три дня юные краеведы Кызыладийского лесничества. Но они не рискнули забираться вглубь. Посветили фонариком и заметили глянцевую черноту озера, груды каких-то костей. Позже областная газета «Кашнадарьинская правда» и Каршинский городской комитет

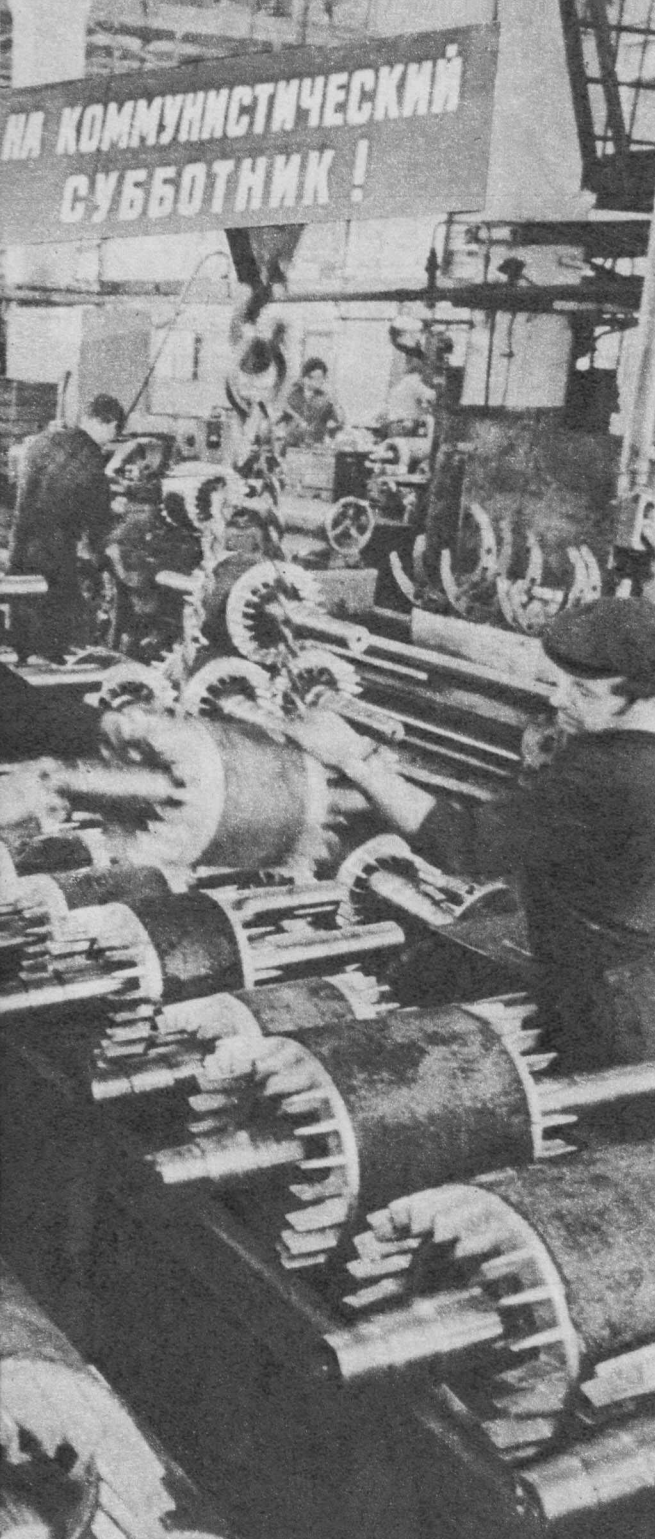
комсомола снарядили к пещере целую экспедицию. Участники этого интересного похода осветили вход и были поражены: перед ними будто чудовищная пасть — свисали и подымались сталактиты и сталагмиты. Дошли до озера. Оно невелико — длиной около 30 метров. Пробирались по узким и широким коридорам, обнаруживали малые и большие залы. Но до конца ознакомиться с пещерой не отважились: не имели специального снаряжения, среди них не было спелеолога.

Таким образом, ташкуртанская пещера осталась неизученной. Не выяснено, кто и когда заложил часть входа в нее каменной кладкой, какова длина пещеры, есть ли основания верить легендам. Ее тайны ждут разгадки.

В. ПЕТРЕНКО
Фото В. Соснина.

На снимке: У входа в пещеру Тимура.

МОСКВА

ИЛЬИЧЕВЦЫ ГОТОВЯТСЯ

Есть на Московском электромеханическом заводе имени Владимира Ильича свой музей; смотришь его экспозицию — и вся богатая, знаменитая событиями история завода словно расслаивается по годам, дробится на большие и малые вехи жизни славного коллектива. Вот и нынешний год: начался он вроде бы не так давно, особых событий вместить в себя пока не успел, а ильичевцы уже вносят в летопись 1977-го свои трудовые строчки.

Сейчас приближается волнующий день — коммунистический субботник. Сколько их, субботников, было здесь, на заводе, — в революционные двадцатые, в бурные тридцатые, в героические сороковые годы... И всегда, пожалуй, общим для ильичевских «красных суббот» было то, что во все годы коллектив завода являлся инициатором ударного труда в своем районе, во всей столице, в стране. А различия... Давайте посмотрим для примера результат субботника на заводе имени Владимира Ильича в прошлом году: выпущено продукции на 230 тысяч рублей, работа велась на сэкономленном сырье и материалах. А в этом году ильичевцы на митинге в честь субботника решили выпустить 16 апреля 1977 года продукции на 235 тысяч рублей! Повышенные обязательства берут на себя рабочие, бригады, цехи... Пусть это не ново для завода — кому, как не ильичевцам, гордиться историей трудовых подвигов! — но каждый из починов все же остается здесь ярким, неповторимым событием, замечательным свидетельством неиссякаемой энергии ильичевцев.

С. БОРИСОВ

На снимке: 13-й механосборочный цех. На «красную субботу» его коллектив взял повышенные трудовые обязательства.

Фото Э. Эттингера.

ТБИЛИСИ

СОРАТНИКУ ЛЕНИНА

В марте в Тбилиси, напротив Дворца культуры профсоюзов Грузии, на оживленном перекрестке Ваке-Сабуртало, был открыт памятник видному деятелю Коммунистической партии и Советского государства Григорию Константиновичу Орджоникидзе — верному соратнику В. И. Ленина.

Авторы памятника — народный художник Грузинской ССР К. Мерабишвили и архитектор Г. Джапаридзе.

Фото С. Киладзе

КОРОВЫ... НА САМООБСЛУЖИВАНИИ

ТОМСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Признаться, сначала я этому не поверил. Как это — тысяча сто коров и ни одного пастуха? Кто же их пасет? — думал я, отправляясь на знаменитый в Томской области Вершининский животноводческий комплекс. Объяснил мне все главный зоотехник, кандидат сельскохозяйственных наук Юрий Платонович Хиль:

— Комплекс со всеми постройками занимает один гектар. Животные находятся на беспривязно-бюксовом содержании. Это значит, что круглый год они обитают в коровнике, но ежедневно в определенное время выпускаются на прогулку. Доступ к кормам свободный, по принципу: ешь — не хочу. Здесь все механизировано — подвоз-

ка и подача кормов, воды, дойка, уборка навоза. Весь комплекс обслуживают тридцать четыре человека, включая уборщицу и директора. А раньше такое стадо только пастухов требовало двадцать человек. Давайте посмотрим, что делается на каком-нибудь участке...

Юрий Платонович включил телевизор, и я увидел на экране круглую доильную установку «Томичка-18». Коровы с достоинством входили на круг, и каждая сама занимала определенное место. Так мне показалось, и не сразу я разгадал маленькую хитрость. Дело в том, что тут же, у доильных аппаратов, находились кормушки, в которые во время дойки подавался концентрированный корм и витамины. Это лакомство для буренок, что мед для медведя. И, зная время дойки, они выстраивались перед входом на круг в живую очередь.

Посмотрев по телевизору, как работают доярки, мы накинули белые халаты и отправились в коровник. С узкого балкончика я увидел то, чего не заметил на

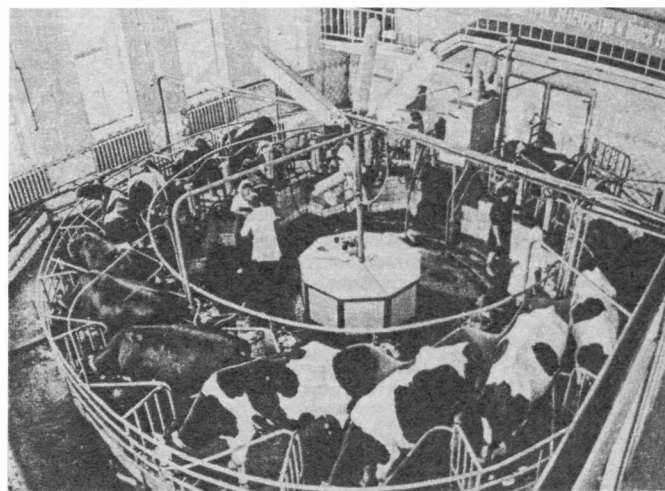
экране телевизора: коровы были в ошейниках с красными, желтыми, белыми, синими бирками.

— Да они у вас кокетки! — Пожалуй, — засмеялся главный зоотехник и тут же вполне научно объяснил коровье кокетство: — Те, что с красными бирками, — наши рекордистки, дают по двадцать и больше литров молока в день. С желтыми — до пятнадцати. И так далее... Кстати, в зависимости от удоев каждая из них получает определенную дозу концентратов. Любишь вкусненькое — давай молочка побольше.

Остается добавить немного. В Томской области лишь за один год перевод 30 тысяч коров «на самообслуживание» позволил высвободить около тысячи человек и резко повысить производительность труда.

Ю. ЛУШИН.
Фото автора

Доильная установка «Томичка-18».

БОЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

Генеральному секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Вьетнама товарищу Ле Зуану исполняется семьдесят лет.

Он родился 7 апреля 1907 года в провинции Куангчи (Центральный Вьетнам). Его детство и юность совпали с периодом, когда в стране рождались и крепились новые революционные силы, разбуженные Октябрьской революцией в России.

Большую роль в укреплении политической сознательности юноши сыграло основанное первым вьетнамским коммунистом Хо Ши Мином Товарищество революционной молодежи Вьетнама. Ле Зуан вступил в него в 1928 году. Вспоминая о своей юности, товарищ Ле Зуан говорил: «Стать рабочим! — таким было мое страстное желание, рабочий человек был для меня идеалом. Иметь коммунистическую сознательность — это значит идти в ряды рабочего класса,

поскольку это передовой революционный класс... Когда я только начал понимать, что такое коммунизм, я по-новому стал смотреть на действительность. И это новое заключалось в том, что мой путь — быть вместе с этим классом».

Исторической заслугой Хо Ши Мина и его соратников было создание во Вьетнаме марксистско-ленинской партии рабочего класса. 3 февраля 1930 года стало днем рождения Коммунистической партии Вьетнама. С ее борьбой за светлое будущее Вьетнама товарищ Ле Зуан связал свою жизнь.

В годы подъема массовой борьбы, восстания крестьян и создания советов в провинциях Нгеан и Хатинь в 1930—1931 годах он активно организовывал нелегальные партийные ячейки, пропагандировал основные положения Программы компартии.

В 1931 году после разгрома колонизаторами этого восстания Ле Зуан был арестован. Пять лет провел он в каторжных тюрьмах — сначала в Шонла, в горном районе Северного Вьетнама, затем на «острове смерти» Пулокондор. «Очувшись в тюрьме, — вспоминал товарищ Ле Зуан, — мы создали организацию, мы учились, познавая марксизм-ленинизм и проникаясь еще большей верой в непреходящую победу вьетнамской революции».

В 1936 году Ле Зуан был освобожден из тюрьмы. Он вновь включается в активную революционную работу, будучи секретарем партийного комитета Центрального Вьетнама и членом Постоянного комитета ЦК Компартии Индокитая. В годы нового подъема революционной борьбы в стране, в 1936—1939 годах, Ле Зуан много сделал для укрепления легальных и нелегальных организа-

ций партии, для вовлечения народных масс в созданный по инициативе компартии Демократический фронт.

В 1939 году товарищ Ле Зуан был одним из инициаторов принятия на VI пленуме ЦК КПИК резолюции, в которой подчеркивалось, что в условиях начавшейся второй мировой войны необходимо сосредоточить усилия на борьбе против империалистических агрессоров и что национально-освободительное движение во Вьетнаме является неотъемлемой частью мирового революционного процесса. Это было принципиально важное решение, отвечавшее духу решений VII конгресса Коммунистического Интернационала.

В 1940 году товарищ Ле Зуан был вновь арестован и находился в тюрьме вплоть до победы Августовской революции 1945 года.

В первые же дни народной власти партия направляет его в Южный Вьетнам, где международный империализм предпринимает попытки задуть народную власть. Являясь секретарем южновьетнамского бюро Компартии Индокитая, Ле Зуан в этот период, как и на всем протяжении войны Сопротивления, ведет активную работу по организации народных масс на борьбу против иностранных интервентов и местной реакции. В 1951 году на II съезде партии Ле Зуан был избран членом Политбюро и секретариата ЦК Партии трудящихся Вьетнама.

На III съезде ПТВ в 1960 году Ле Зуан избирается Первым секретарем ЦК ПТВ. Он отдает все силы сплочению народа вокруг партии, мобилизации широчайших масс на осуществление социалистической революции на севере и на борьбу за завершение национально-демократической революции на юге страны. Организатор-

ские способности товарища Ле Зуана, его страстность борца-революционера ярко проявились в те годы, когда вьетнамскому народу с оружием в руках пришлось отстаивать национальную независимость и завоевания социализма от империалистических агрессоров.

Когда не стало президента Хо Ши Мина, товарищ Ле Зуан от имени партии дал клятву выполнить его завет, добиться воссоединения родины, построить единый, независимый, свободный, социалистический Вьетнам.

О том, что эта клятва выполнена, о решимости трудящихся Социалистической Республики Вьетнам неуклонно идти по социалистическому пути заявил на IV съезде партии Генеральный секретарь ее Центрального Комитета товарищ Ле Зуан.

Будучи убежденным и последовательным интернационалистом, товарищ Ле Зуан выступает за укрепление дружбы и сотрудничества между братскими коммунистическими и рабочими партиями, социалистическими странами.

Выступая на митинге в Москве в октябре 1975 года, товарищ Ле Зуан говорил: «Вот уже более полувека народы двух наших стран дышат одним дыханием, их сердца бьются в унисон, в беде и радости они всегда вместе. В горниле революционной борьбы еще больше закалилось и окрепло братство наших народов, объединенных общим идеалом».

Советские люди от души поздравляют Генерального секретаря ЦК КПВ товарища Ле Зуана в день его 70-летия и желают ему доброго здоровья, новых больших успехов в его многогранной деятельности.

И. ОСОТОВ

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

КОНКУРС ПО СЛЕДАМ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМА

4 апреля — национальный праздник Венгерской Народной Республики, День освобождения. Аттила Амбруш, письмо которого мы публикуем сегодня, — ровесник республики.

Летом исполнится десять лет с того дня, как я получил диплом Киевского технологического института легкой промышленности. Жалко, что срок вашего конкурса истекает в июне, — я бы рассказал о встрече наших однокурсников, которая состоится летом. «Решили отметить десятилетие выпуска. Соберутся те, кто кончал наш факультет в 1967 году. А ты, Аттила, смо-

жешь приехать в Киев?» — такое письмо пришло недавно в Венгрию, но не застало меня дома: вот уже второй год я учусь в аспирантуре в Москве, в Институте управления.

...Как я волновался в день защиты дипломного проекта! Моя фамилия начинается на «а», предстояло защищаться первому, но я не решился, пропустил вперед одного парня. У него все прошло хорошо, за ним вышел и доске я. Восемь минут — столько дается дипломанту, чтобы изложить суть своей работы, — пролетели незаметно. Наконец комиссия объявила оценки. Я получил «отлично».

Что значит для меня советский диплом? Отвечая на этот вопрос, я возвращаюсь мыслями в свой родной город Боньхад. Собственно, городом он станет называться с 1 апреля этого года, а был просто поселком, хотя и не маленьким по венгерским масштабам — 13 тысяч жителей. Родители мои из крестьян, сначала работали в кооперативе, а потом поступили на обувную фабрику в Боньхаде — отец рабочим на склад, мама — в столовую. На этой фабрике трудился и старший брат, окончивший профессиональное училище. Я часто бывал в цехах, случалось и поработать во время кани-

кул. Окончив гимназию, я поступил в Будапеште в политехнический институт. После первого курса появилась возможность поехать учиться в Советский Союз в Киевский технологический институт легкой промышленности. Тогда во всей Венгрии обувщиков с высшим образованием можно было буквально пересчитать по пальцам. У нас их не готовили.

Вот так в семье, где трое обувщиков, появился первый дипломированный специалист. Советский вуз дал мне очень хорошую и теоретическую и практическую подготовку. Я бы назвал советский диплом надежной стартовой площадкой, откуда открывается множество путей и в науку и в промышленность.

Вместе со мной в Киев приехали учиться еще семь соотечественников. Кем они стали?

Иштван Мартош представляет в Москве наше внешнеторговое объединение «Танимпекс». Иштван Ковач — главный инженер обувной фабрики в городе Сигетвар. Еще один Иштван, по фамилии Вулетин, и Ференц Шмель — научные сотрудники в Институте кожи и обуви в Будапеште.

Вообще на специалистов с советским дипломом у нас в Венгрии, можно сказать, хороший спрос. Я

имел возможность выбрать себе работу, предложений было несколько. Вернулся в свой родной город, поступил на нашу «семейную» обувную фабрику, где вскоре стал руководителем группы, которая занималась разработкой и внедрением новой техники.

И вот теперь я снова в Москве. Тема моей диссертации — исследование, связанные с планированием структуры промышленного производства в европейских социалистических странах. Вопросы эти очень интересные и актуальные сейчас, когда в рамках СЭВ ведется совместное планирование, развивается кооперация и социалистическое разделение труда. Мой научный руководитель — доктор экономических наук, профессор Анатолий Степанович Петров, заведующий кафедрой планирования нашего института. Человек очень трудолюбивый и требовательный. У него всегда много идей — работать с ним интересно и увлекательно. Приятно чувствовать, что и Анатолий Степанович и его коллеги относятся к нам, аспирантам, как к сотрудникам кафедр. Такое доверие ко многому обязывает.

Аттила АМБРУШ, аспирант Института управления имени Серго Орджоникидзе

Я. Крыжевский. Род. 1948. ЭТИМ ПРЕКРАСНЫМ ЛЕТОМ. 1975.

А. Мелдере. Род. 1949. СВАДЬБА. 1974.

**Начало см.
на 2-й стр.
обложки**

О военных годах музейные документы сообщают, что в зиму сорок первого из заводских ворот отправлялись прямо на передовые позиции крытые брезентом грузовики с оружием, изготовленным здесь. Орден Отечественной войны первой степени, прикрепленный к заводскому Красному знамени, остался навечно памятью коллективу предприятия о тех днях.

И вот завод сегодня — Московский завод счетно-аналитических машин. Современнейшая электронно-счетная продукция. Широчайшее признание надежности заводской марки.

Кто же, какие маги технических чудес нашего времени создают здесь, в стенах многоэтажных корпусов, изделия высшей сложности?

Ну, конечно же, прямые наследники, продолжатели рабочих династий.

— Вот лишь одна строка из обязательств, принятых нами на эту пятилетку эффективности и качества: обеспечить сдачу продукции с первого предъявления в ОТК — девяносто два и две десятых процента...

Так говорит нам секретарь парткома, студент выпускного курса института управления, энергичный в движениях человек, Виктор Викторович Хованский.

Двадцать лет как он на заводе, кадровый, свой.

— Спрашиваете: где гарантия, что обещание будет выполнено? Взгляните на эту красную книжницу...

«Комплексная система высокой эффективности производства и качества работы» — так называется документ. Перелистываем его: исчерпывающая по своей полноте программа конкретных действий каждого производственного и общественного звена. Ничего не забыто, все названо в равной мере важным: ускорение сроков внедрения новейшего оборудования в технологический процесс, забота о росте профессионального образования коллектива и многое другое. Вплоть до планов проведения завкомом летних экскурсионных поездок и календаря клубных вечеров самодеятельности.

— Как, какими средствами обеспечивается безусловная реализация каждого пункта? Контроль и гласность. Все у всех на виду!

Мы в тридцатом цехе — монтажном. Длинное светлое помещение, похожее на исследовательскую лабораторию. Тишина, сосредоточенность, глубокое внимание. Конвейер, за которым работают люди в белых халатах, в основном молодежь.

Здесь идет сборка узлов знаменитой машины — гордости завода «БЭСМ-6», электронно-счетного шедевра.

«Сердце машины» доверено лучшей комсомольско-молодежной бригаде цеха. Бригадир — Люда Александрова.

В обеденный перерыв знакомимся с ней и ее подругами, веселыми девушками в белоснежных косынках. Быстроглазая, хорошенькая Люда старается показать себя человеком серьезным, разговаривает с корреспондентами обстоятельно и степенно, все больше языком цифр. Да, это правда, что она взяла личное обязательство работать в этой пятилетке вообще без единого случая брака, иными словами, обещала сдавать всю продукцию в ОТК с первого предъявления.

— Пока удается, Люда?

— Удастся, а почему пока?..

Верно и то, что собирается выполнить годовой план за десять месяцев — к седьмому ноября, шестидесятой годовщине Октября:

— Не я одна. Этот пункт обязательств у нас у всех.

— Трудная у вас работа?..

— Почему трудная? Кропотливая — да, и интересная: высшая степень точности. Но ведь мы к этому готовы. После ПТУ я здесь уже около четырех лет работаю: как-никак, опыт... Ну и учиться, конечно, продолжаю, слежу за всем новым, что появляется в специальной литературе по нашей профессии.

Борис Шульдешов: «Электроника требует аккуратности!»

РАБОЧАЯ ЮНОСТЬ МОСКВЫ

Идет деловой разговор: Михаил Чамин, Сергей Рожков, Николай Шатилов.

Одиннадцати классов вечерней школы и ПТУ маловато, и если не хочешь отставать... Ну, что же еще рассказать о себе?

Кто-то из подружек пошутил:

— Расскажи, как ты здесь, в цеху, семейное счастье нашла!

Закраснелась Люда, смутилась, потом засмеялась, вскинула голову:

— Ну, что ж, и нашла!

Молодожены они, оказывается, — бригадир бригады коммунистического труда, комсомолец Люда и передовик-монтажник из того же цеха, тоже комсомолец, Миша Александров.

Убежала Люда, сказав:

— Остальное они без меня дорасскажут, извините, мне еще надо в обед успеть заскочить в комитет комсомола, узнать, когда соберемся...

Подруги продолжили рассказ. В нем, этом рассказе о бригадире Люде — лучшем в лучшем цехе громадного завода, было много уважения к труду, к настойчивости и чуткости характера девушки и удивления: в двадцатьто с небольшим лет понимать людей, помо-

гать им в нужную минуту дружеским советом, а когда надо, быть беспощадно требовательной...

Ну, и в заключение снова пошли шутки. Народ ведь молодой. Заговорили, заулыбались.

— Запишите, что у них еще полно других талантов: Люда отлично читает стихи на комсомольских вечерах в клубе завода, а Михаил выступает в той же концертной программе с сольным пением...

Закончился обеденный перерыв в тридцатом цехе. Склонились над монтажными столиками у конвейера головы в белых косынках... Сосредоточенность, тишина, глубочайшее внимание.

На стене цеха, рядом с показателями хода социалистического соревнования, появилась «молния»: «За минувший месяц обязательства по качеству продукции монтажниками выполнены!»

Так и работает молодежь десятой пятилетки, полномочные представители нового поколения одного из московских заводов.

— Здесь мы учимся...

Фоторепортаж Анатолия БОЧИННА

НОВОЧЕБОКСАРСК

Оказывается, есть такие школы, где прилежно готовятся не только к урокам, но и... к большой перемене.

В Новочебоксарске, совсем молодом городе Чувашии, эта подготовка начинается спозаранку. В пять часов утра столовая домостроительного комбината уже занята приготовлением полуфабрикатов для ребячьих обедов и завтраков. Ведь подготовиться к большой перемене — это значит обеспечить завтраками и обедами одиннадцать тысяч новочебоксарских учащихся. А в половине восьмого две автомашины с мясом, рыбой, чищенным картофелем, молоком, соками отправляются в путь по кольцевому маршруту. Двумя часами позже — второй рейс по девяти городским школам: везут муку, крупу, сахар, фрукты, которые понадобятся завтра.

В школьных столовых тем временем хлопотуют повара. Да вот хотя бы в школе № 6: здесь ребята и завтракают и обедают, потому что остаются на «продленный» день. Кухня — загляденые, сверкает кафелем, горит металлом огромных кастрюль, оборудование новехонькое, современное. У входа в столовую — красивые плакаты. Зал светлый, уютный, с цветами на столах. А что это за стол стоит отдельно? Над ним транспарант: «Витаминный стол». Он уже уставлен всевозможными салатами, винегретами, соками, тертой морковью. Оказывается, питаются ребята по абонементам, которые классный руководитель покупает для всех своих питомцев на неделю. Поэтому еда обходится дешево: завтрак — пятнадцать копеек, обед — двадцать пять. А витаминный стол — это для желающих, за наличные копейки, и тут ребята расплачиваются сами, с горделивой важностью.

...Время движется к большой перемене. Старательные дежурные с помощью повара ловко накрывают столы. Едва прозвучал звонок, как девчонки и мальчишки, быстро и постройившись, направляются в свой вкусный класс.

— Хорошего аппетита! — встречает их Тамара Ивановна Колесникова, заведующая производством.

Но в их аппетите, равно как и в качестве блюд, сомневаться не приходится. Супы, котлеты, гуляши и компоты поглощают с таким удовольствием, что вроде и тарелок мыть не нужно.

Столовая работает на самообслуживании. Дети сами уносят грязную посуду, убирают столы. И каждый класс старается изо всех сил. Ведь тем, кто лучше других справляется с уборкой, кто бережно относится к хлебу, кто аккуратен и опрятен, повара торжественно вручают приз — роскошный пирог.

Нововведением в шестой школе довольны все: и директор Владислав Гаврилович Надеждин, и учителя, и сами ребята, и их родители. Дети, привыкнув помогать в столовой, охотнее выполняют поручения и дома, по хозяйству.

В Новочебоксарске давно задумались над тем, как покончить с сухомыткой в школах, с печально известными буфетами, которые могли «порадовать» лишь черствыми пирожками да остывшим чаем. Это заботило и горном партии, и работников питания, и учителей. Но кому поручить подготовку ребячьих обедов? Ведь возни с ними будет много! Выбор не зря пал на столовую домостроительного комбината. Она одна из лучших в городе. Сотни своих рабочих питаются здесь, да и с других предприятий люди охотно заглядывают. Есть тут мощные холодильники, хорошая техника, найдется место для дополнительного оборудования. Директор столовой Таисия Сергеевна Борисова согласилась принять на себя новые хлопоты. Что и говорить: дела школьные — наши общие дела.

У тех, кто занят питанием новочебоксарских школьников, большие планы. Задача первейшая — ввести двухразовое питание во всех школах города. А в будущем... Поговаривают здесь и о школьных кафе с блинами и чаями, где можно будет устраивать интересные вечера, и о конкурсах юных кулинаров.

Н. ВЕРИНА

ВКУСН

За пять минут до перемены.

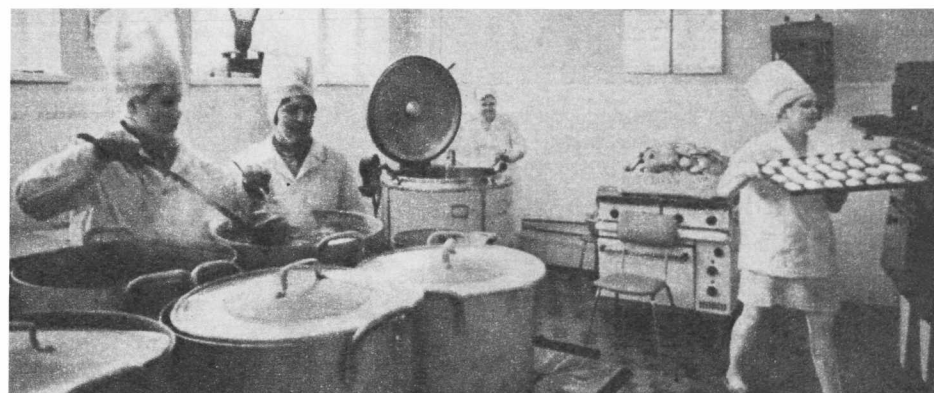

— Мойте руки перед едой!

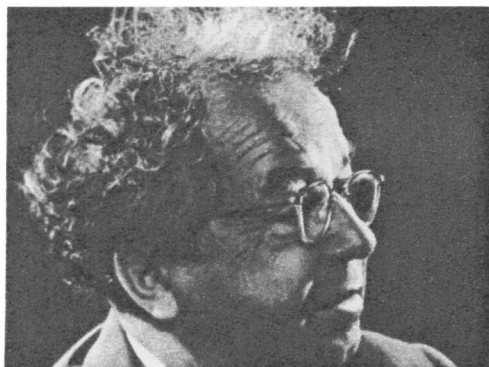
Ы Й К Л А С С

За обе щеки...

Что там булькает в кастрюле, на плите там что кипит!..
Дежурный должен быть красивым.

Евгений ПЕРМЯК

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

СТАРАЯ СКАЗКА

Было это или не было — сказать не могу. Как слышала, так и рассказываю. Я еще тогда девочкой была.

Приехал в наши края старичок. Из простых людей. Из крестьянского сословия. А жил этот старичок в городе Калуге. Кем он там был, тоже не знаю. Молва молчит, и я выдумывать не стану.

И у этого старичка знакомец в Калуге был. Из ученых людей. Сильной грамоты человек.

Большого замаха. Такого большого, что и Луна для него не Луна, а соседняя деревня. И дорога для него на Луну не дорога, а любовь. Ни мостовой, ни рельсов. Ни колеи, ни тропы, а все прямо, прямо и без единой ухабинки. Садись и несишь, никуда не сворачивай.

— А куда, — спрашивают приезжего старичка, — «садись», на чем, — пытаются его, — «не-сись»?

А старичок на это такое стал рассказывать, что даже дошлые люди диву дались. Растолковывал этот старичок, что будто бы вскорости люди запросто к звездам летать будут. В огнем снаряде. Скорей пули, быстрее голоса.

И про такие-то чудеса этот приезжий старичок рассказывал, что вся деревня его слушала. И старые, и малые, и средних лет люди. А потом, как пришел конец старикову рассказу, спохватился народ:

— Брешет он, «калужское тесто». Чепушной головы нам забивает. Околесицу несет. За дураков нас считает.

И так-то принялись костерить приезжего, что тот еле ноги унес. В Калугу сбег. А байка о нем в наших местах осталась и другой раз до-сужими старухами пересказывалась, а потом и вовсе забылась...

Годы, как и положено им, шли да шли, весну лето сменяло, после осени зима жаловала. И много ли, мало ли лет минуло — не скажу. Только как взлететь первому спутнику, вспомнил старичок из Калуги, что про ученого рассказывал, который хотел человека в небо послать и на землю живым, здоровым вернуть.

Вспомнилась калужская небыль и былью оборачиваться начала, особенно когда собачки Лайки да Стрелки в небо подались... А уж когда Юрий-то свет Алексеевич Гагарин к звездам полетел и вокруг Земли скорехонько обернулся, я эту старую сказку про калужского ученого человека тут же вспомнила и внукам пересказала на добрую память, на долгие времена и на тот случай, если опять кто-то что-то рассказывать будет, в которое трудно поверить... Так вы не торопитесь, внуки мои, рассказывателя дурнем величать, а услышанное сказочной чепушиной называть. Не все ерундовою ерундой бывает, что твой ум не понимает.

Старая сказка иной раз забывается до тех пор, пока она молодым-молодой-молодешенькой в новом платье не появляется...

Так-то, дружки мои, так-то...

ТАРАКАНИЙ ОХОТНИК

Егорушка проводил последнюю перед школой зиму в старом доме у дедушки с бабушкой в большом селе. Дел у Егорушки было хоть отбавляй. И деду нужно помочь на конном дворе, и с бабушкой нужно на птичьей ферме побывать. А тут еще сани, лыжи, снежная хижина... Да и сорок то-

же кто-то должен на всякий случай палкой пугнуть, и дорожку в дровяник нельзя запустать. Занесет ее снегом, и не доберешься. А больше всего приходилось воевать с тараканами.

— Откуда это они, — удивлялась бабушка. — Лет десять их не было, а теперь хоть из дому уходи.

И гусиным-то крылышком сметала их бабушка в ведро с водой, и кипятком-то шпарила, и морила чем следует, а они напозали опять.

— Да что это за наказание такое, — жаловалась бабушка. — На всех управа находится: на мышей — кошки, на комаров — лягушки, на змей — ежи, а на них нет охотника.

— Нет, есть, — сказал дед и подмигнул внуку.

Подмигнул дед внуку и пообещал тараканий охотника на этой же неделе в дом поселить.

— Кто это? Как его звать? — допытывался Егорушка.

— Как придет, сам себя назовет, — отшучивался дед. — А теперь давай домишко для охотника соорудить.

Сказал так дед и принялся сколачивать маленькую скворешенку. Подвесил он скворешенку на стену под потолок и в подпол полез.

Добыл дед из подпола проволочную мышеловку и сказал:

— Теперь, Егор Сергеевич, давай на охотника охотиться.

«Неужели мыш — тараканий охотник? — подумал Егорушка. — Но как она под потолком в скворешенке будет жить?»

А дед тем временем насторожил мышеловку и приманку на крючок подвесил — сало. А потом велел Егорушке поставить мышеловку

МАЛЕНЬКИ

во дворе на столбик возле черемухи и караулить из окна.

Как сказано, так и было сделано.

Долго Егорушка дежурил у окна. Даже устал. И вдруг смотрит: птичка прилетела. Желтенькая с черненькой головкой и белыми щечками. Он сразу узнал ее. Это была Большая синица.

«Неужели это и есть тараканий охотник? — удивился Егорушка. — Но как птица может попасть в мышеловку?» А синица, учуяв сало, всячески старалась проникнуть к нему.

Вернулся дедушка, а синица все еще крутилась возле мышеловки, ища вход. И наконец она нашла его. Прыг в ловушку. Хват за сало. Крышка мышеловки захлопнулась.

Ура!

Дед с внуком побежали за синицей.

— Теперь давай приручать охотника, — сказал дед и прикрыл мышеловку платком. Птица утихла и перестала биться.

Часа через два, когда уже смеркалось, дед добыл синицу и сунул ее в скворешенку.

— Пусть теперь там обсижится, — сказал он. Синица притаилась в скворешенке. Как сгинула.

Прошла ночь. Егорушка поднялся вместе с дедом.

— Теперь давай, Егор Сергеевич, учить охоту тараканьего охотника, — объявил дед. — Хотя это и не обязательно, а все же для порядка не помешает.

Были пойманы штук пять тараканов и брошены в скворешенку. Послышалось «тук-тук»!

— Ага! — Дед подмигнул внуку. — Проголодался охотник.

Егорушка не спускал глаз со скворешенки. Он увидел, как два таракана выползли из нее.

— Упустил охотник добычу, — сказал дед.

Да этого не случилось. Птица высунулась в отверстие скворешенки и увидела убегающего таракана. Раздался охотничий клич. Взмах крыльев. Таракан был настигнут и проглочен. Синица снова скрылась в скворешенке.

Все это произошло так быстро, что Егорушка не успел разглядеть охоты.

— Вот это да, — радовался он. — Вот это тараканий охотник!

Большая синица — пугливая птица, но она скоро привыкает к людям. Не прошло и двух дней, как тараканий охотник орудовал у бабушки на кухне. А через неделю или чуть более тараканы исчезли. Редко-редко какой захудалый тараканишка выползет из щели, но вскоре и эти редкие удачи оставили тараканьего охотника.

Синица стала промышлять разбоем. Стоит сливочное масло на столе... Улучит синица минуту... Кинется камнем на стол... Отсечет, как топориком, своим клювом кусочек масла и в скворешенку.

— Пора, видно, нам расставаться с охотником. Мусору много от него, — как-то сказала бабушка.

Егорушке не очень хотелось отпускать синицу, но пришлось. Птице полагается жить на воле.

Выпустили тараканьего охотника. Поскучали без него денек, другой, а потом забыли. Но однажды раздался стук в замороженное стекло кухонного окна. Это была Большая синица.

Бабушка даже чашку уронила от радости.

— Придется, Егорушка, форточку открыть. На улице стужа, и, видно, нашему тараканьему охотнику приходится худо.

Егорушка открыл форточку. Синица с громким кличем влетела в знакомую кухню.

— Живи, давай, живи, до тепла, тараканий охотник, — сказала бабушка. — Ты нам помог, и мы поможем тебе за твои труды.

Тараканий охотник прожил до весны, а потом улетел и больше не возвращался.

ГРАМОТНЫЙ МЕДВЕДЬ

ДАВНИЙ СКАЗ

В

сех былей-небылей про Чертозная Викторовича никто не перескажет, потому что в каждом лесу свой Чертознай жил и по-своему с богатеями да живоглотами расправлялся.

Еще один сказ-пересказ рассказу.

За Серебрянкой, на выселках, жил Фатьян Немоляй. Из татар он или вогульских кровей — не скажу. А то, что он из долгов у купца Могуева не вылезал, все знали.

— Бросил бы ты, Фатьян, свое самоцветное счастье искать, коли тебе столько лет не фарит. Сгинешь, — предупреждают его жалельщики.

А он им:

— Найду свое счастье. Обязательно найду.

И нашел. Такой камень нашел — любому царю в корону годен. Все за Фатьяна рады-радешеньки. Любо такого на пятом десятке сытым, обутым, одетым видеть. И то знали, что уж кто-то, а Фатьян всех угостит. Никого не забудет.

Кинулся Фатьян к купцу. К Могуеву. К скупщику.

Тот сразу понял, что и к чему. Кинул камень в кованный ларец. Подал Фатьяну три красненьких десятирублевых и говорит:

— Долгов теперь за тобой нет, а это сдача.

Фатьян деньги не берет. Камень требует. А Могуев только хи-хи да ха-ха! Десятку набавил и вытолкал Немоляя на улицу. Тот к мировому. А мировой в миру с купцом. Знал, как законами вертеть. Замял дело. Застопорил.

Разговоры пошли. Свидетели нашлись, которые камень видели. Оценщики выискали. Судиться задумали. Правду стали искать.

А пока суд да тяжба — у купца молодая жена пропала. Как в воду канула. Могуев только волосы не рвет на себе. Награду сулит — кто след укажет. А вдруг — письмо. И от кого? От медведя.

Форменный пакет. Лесная печать — медвежья лапа. Чернила хорошие. Дорогие. Как смола блестят. Золотом отливают.

Читает купец от грамотного медведя письмо — зуб на зуб не сходится. Поклон шлет медведь от жены и не велит беспокоиться, потому что находится она в хорошей, сухой берлоге. А в какой именно — про то будет сказано в особом письме, где план местности и засечки на деревьях будут полностью обозначены. А особое письмо тогда придет, как только Фатьян получит полную плату за камень по совести и сверх того тысячу рублей за обиду. А ежели, писалось далее, задумает Могуев на Фатьяне выместить это письмо — быть тогда его жене в берлоге на медведе

повенчанной и вековать свой век в темном лесу.

Вот оно как повернулось. Купец туда, сюда. И посоветоваться надо, да не с кем. Огласки боится купец. А вдруг да за Фатьяна помимо его примутся. Тогда прощай, Анна Сергеевна, черная бровь, горячая кровь, белая шейка. Думал так, думал да и выложил Фатьяну по совести. Да еще сверх того прибавил. Потому как на свою совесть купец не больно надеялся.

Фатьян ни жив ни мертв. Деньги сгребает, а в ум не возьмет, какими судьбами они к нему приплыли. Шапку в охапку да и был таков. По всем местам пораспиртал. Боится.

А купец того пуще. Только зря. Письмо тут же пришло. Как рука какая его перед ним на конторку положила.

Дрожмя дрожит Могуев. А в письме полный план местности: кедр у теплого ключа, а дальше по засечкам.

Теплый ключ совсем рядом. Место знакомое. Кинулся купец в лес. Дошел до ключа. От кедров пошел как по писаному. Засечки на деревьях свежие, белые. Шел он так сколько-то и до столба дошел. А на столбе метка. Указующий перст. Глянул — берлога. Лаз. В берлоге свечки горят. В пятисвечном подсвечнике. Анна Сергеевна на ковре возлегает. На лице ни тоски, ни страдания. Даже румянец играет.

Оступился купец. Ветка хрустнула. Проснулась жена.

— Это ты, мой медведишко?

— Я, — ответил Могуев и поперхнулся. Никогда она его таким словом не называла.

Помог купец жене из берлоги вылезти. Не стал он ее спрашивать что и как. Не до этого. Сама потом рассказала. Как она за груздями пошла... Как ей не то леший, не то медведь с ружьем встретился. Как он ее в берлогу поселил. А кто он таков и как звать его — ни гу-гу. Не знаю — и вся недолга. Откуда в берлоге ковер и пять свечек горят в подсвечнике — тоже сказать не могла.

Промолчал купец, ничего не сказал на это жене. Шило на мыло свел, будто ничего и не было.

Медведишко она его тоже больше никогда не называла. А в лес за груздями хаживала. Одна. Не боялась.

Разное об этом в народе говорили... Особенно густо пересуды пошли, когда сынок у Анны Сергеевны стал подрастать. Чертознаевы глаза у сына обозначились. Темные такие. Сердечные. С большим, добрым зрачком.

Е И С Т О Р И И

**Джалил
САДИКОВ**

Лица земли

* * *

Когда готовили поля под зеленя,
Когда плугами побуревшая стерня
Была на борозды распахана, возникло
Вдруг сходство, поразившее меня:

Казалось, здесь не трактора прошли
И что не борозды поля пересекли —
Нет, их прорезали глубокие морщины,
Лицу старухи был подобен лик земли.

Потом пришла зима, уставшие поля
Морозно-снежной сединою убеля.
Глубокий снег...

Глубокий сон...

Переживает,
Казалось, дни глубокой старости земля.

В разгар весны опять приехал я сюда
И вышел в поле: не осталось и следа
От старости земли и от морщин осенних —
Земля была свежа, прекрасна, молода.

Ковер цветов и жаворонков голоса,
Безоблачные голубые небеса
И, в нежной зелени своей неповторимой,
К отрогам горным уходящий клин овса.

Не здесь ли осенью морщины пролегли?
И снова предо мною юный лик земли.
И мне подумалось: «Вот если бы и люди
Вот так же молодость бы возвращать могли».

МОНОЛОГ СТАРОГО КОМУЗИСТА

Комуз мой не льстил ни манапам, ни баям.
За то, что я им никогда не служил,
Был слугами их я не раз избиваю,
И я о гонениях кюу¹ сложил.

¹ Кюу — пьеса для комуза.

А в этой мелодии горечь разлуки
И отзвук не менее давних времен:
Послушай печалью рожденные звуки
О том, как я был безнадежно влюблен.

Я помню немало больших состязаний,
Где приз присуждал не манап, а народ.
Там кюу, что создал во время скитаний,
Играл я, бывало, весь день напролет.

Пусть долгие годы становятся грузом,
Который уже не под силу нести,
Какой комузист расстается с комузом,
Пока не окончит земного пути?!

Заслышу ручей, что по склону струится,
И струны звенят под рукою опять...
В комузе вся жизнь. Без него я, как птица,
Которая больше не может летать.

ОСЕНЬ

Играет ветер сорванной листвою.
То сложит листья кучей золотой.
То гонит, как конфетные обертки,
По саду и по мокрой мостовой.

Угрюмо хмурят брови облака,
И недовольно морщится река,
И не цветок венчает желтый стебель,
А створки опустевшего стручка.

Что листья, что цветы? Цена садов
Зависит от количества плодов.
А мы, когда наступит наша осень,
Представим ли плоды своих трудов?

Перевел с киргизского
М. ЕРЕМИН.

ЖУРАВЛИ

Едва лишь первый гром весенний грянет
И по асфальту дождь забарабанит,
Вдруг станет грустно, защемит в груди
И предо мной минувшее предстанет.

Всегда, когда весенний дождик льет,
Я вспоминаю, как из года в год
Мы в детстве журавлей весной встречали
И пропустить боялись их пролет.

Летели птицы в небесах над нами,
А мы по полю вслед за журавлями,
Углом, подобно тени их земной,
Бежали с распростертыми руками.

Когда над городом грохочет гром,
Когда я слышу ливень за окном,
Мне хочется вернуться в наше детство,
Мне хочется побегать босиком.

Уже раскрылись почки тополей,
Уже цветы алеют вдоль аллей,
Настало время птичьих перелетов,
Но я не вижу в небе журавлей.

Я вышел на балкон. Уносит взгляд
Меня к отрогам каменных громад,
Туда, где над родным моим аилом
В весеннем небе журавли летят.

**Сергей
ГРАХОВСКИЙ**

САЛАСПИЛС

За этими воротами
стонет земля.

Надпись на во-
ротах бывшего
лагеря смерти
Саласпилс.

Печальной памятью прикован
К далеким дням, когда навис
Над человечеством суровый,
Гнетущий призрак — Саласпилс.

От той беды не отмахнуться —
Не скажешь памяти: «Молчи», —
Не убежать, не отвернуться
И не забыться сном в ночи,
Пока тяжелые куются
С отравой атомной мечи.

Поныне кровью проступают
На гулких плитах имена,
Печаль и гнев меня качают,
И камнем давит тишина.

Бараков тихое гуденье,
Зловещей виселицы тень...
Идут к ней узники, как тени,
За сотней сотня каждый день.

Из Риги, Вильнюса и Бреста
Идут, погасший пряча взгляд,
Уже давно ничьи невесты,
Идут... И нет пути назад.

Гудит, гудит унылый ветер,
Скользят тревожно по ветвям,
И тянутся ручонки-плети
За проволоку к матерям.

Коснувшись провода, чернеют
И, корчась, на песок сырой
Сползают дети. Псы шалют,
Мне и теперь их слышен вой.

Нет, мне от памяти не скрыться,
Уйдешь на миг — нахлынет вновь...
Вонзаются со свистом шприцы
В тела детей и тянут кровь...

Мой гнев?.. В тиши кричат камня
И стонет горькая земля:
— Нет, мы не стали на колени!
— Не захлестнула нас петля!
— Не сгрызли нас клыки кривые!
— Нас в адском пекле не сожгли!
— Мы вечные!
— Мы все живые!
— Мы судьбы горькие земли!
— Мы все одной печали дети!
— Мы жертвы — жертвы без вины!
— Мы все в земле, чтобы на свете
На радость всем росли сыны.

Безмолвен узник лишь бетонный,
В оцепенении стоит,
И слышит он глухие стоны,
Сердце удары из-под плит.

Огонь потушен смертоносный,
Но грустно мне... До сей поры
Людьми обгрызенные сосны
Стоят понуро без коры.

На плитах зацветает вереск,
Роняет ласточка перо,
Слеза не затуманит веру
Ни в справедливость,
Ни в добро.

* * *

Поныне аисты тревожно ищут
В родном краю пропавших аистят,
Но нет села — чернеет пепелище,
Навстречу аистята не летят.

Над селами, лесами пролетая,
Минуя городки и города,
Они в пути печально замечают:
Не отболела давняя беда.

Нет хаты на пригорке, нет колодца,
Нет липы на скрещении дорог.
У аиста тревожно сердце бьется,
Горюет: аистят не уберет.

И кружит он с печальной аистихой
Над трубами сгоревшего села...
Роса с березы каплет тихо-тихо,
Хатынские звонят колокола.

Авторизованный перевод
с белорусского К. ДЕГТЯРЬ.

ПАМЯТЬ

СЛОВО О МОЕЙ РЕСПУБЛИКЕ

Иосиф НОНЕШВИЛИ,
депутат Верховного Совета
Грузинской ССР,
председатель Комитета защиты мира
Грузинской ССР

Литература — наиболее яркое проявление духа народа. А что может быть сильнее духа народного? Как ни великолепна природа Грузии, как ни живописны наши долины, горные реки, море и убеленные сединами вершины Кавказа, но человек всегда украшал и украшает землю любой страны больше, чем все красоты природы, вместе взятые.

Как поэт, я не перестаю восхищаться своим далеким предком, создавшим письменность для моего народа. В начале нашей эры он начертал алфавит, которому было суждено пройти через века и стать одной из четырнадцати систем письма, ныне существующих в мире. Огромный океан языков — и всего четырнадцать систем письма. Миллиарды людей с тринадцатью системами и маленькая четырнадцатая ладья в этом океане, отстоявшая свое грузинское письмо. С помощью этого письма мы общаемся друг с другом, говорим своим художественным, своим партийным языком.

Духовное общение — самая богатая, самая тонкая область человеческой жизни. Было время в истории моей страны, когда, обескровленная непрерывными нашествиями, припала она к плечу великой северной соседки — России. Народ обрел покой, творческая энергия поднялась с новой силой. Общение с Россией взаимно обогатило нас духовно. Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Горький... Какие имена! Они любили Грузию, жили здесь, писали. А наши просветители: Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела. Как из чистого родника, черпали они от русской литературы уверенность в торжестве добра, в правоте и конечной победе национально-освободительного движения. Не чиновники, а передовые представители культур, отражая волю своих народов, стояли плечо к плечу, вместе пробивали путь к свободе! Все это предварило народную борьбу против самодержавия, сыграло свою роль в подготовке Октябрьской революции 1917 года.

Шестьдесят лет прошло с тех пор. Наше поколение выросло в советское время. Мы чувствуем себя так, будто другого социального строя на нашей земле и не бывало. Мы боремся теперь за мир во всем мире, за экономический и духовный расцвет нашей большой Родины, за расцвет нашей республики, за становление нового человека, которого хотим видеть патриотом и интернационалистом, красивым, радостным, чистым душой.

Нужно ли говорить, что за годы, прошедшие с Октября, Грузия преобразилась неузнаваемо. Один лишь красноречивый факт: если в 1921 году (это год установления в Грузии Советской власти) сельское население респуб-

лики составляло восемьдесят процентов, а городское — двадцать, то ныне, в 70-х годах, население это поделилось поровну: сколько горожан, столько и сельчан. Хорошее равновесие, не правда ли?

И в городах и в селах люди стали жить хорошо. Дети образованны. В домах — достаток, благополучие. А это цель коммунистов — добиться благосостояния народа, того народа, который из полной разрухи поднимал в первые годы Советской власти экономику республики, который вместе с другими народами-братьями пережил чудовищную войну с гитлеризмом. Правда, некоторое время тому назад иным слабым, недалеким людям из числа тех, кто находился на руководящих постах в республике, это благополучие затуманило сознание. Они пустили на самотек вопросы экономики, забросили хозяйственные дела. Пять лет тому назад ЦК КПСС принял историческое для республики постановление об организаторской и политической работе Тбилисского горкома КП Грузии. Все негативные явления были названы своими именами. Коммунистам Грузии надлежало восстановить ленинские нормы партийной жизни, навести порядок в экономике и общественном климате.

Наша литература, стоящая на острие настроений масс, уже в то время выступила с рядом произведений, отражающих эту беспокойную пору в духовной жизни своих сограждан. Ведь литература и партия всегда близки. Литература партийна.

Сейчас республика выполняет программу ускоренного экономического развития. По темпам она не имеет себе равных в истории Советской Грузии.

Руставские металлурги выступили с инициативой: «Ни одного отстающего и нарушителя дисциплины рядом!»

Недавно Грузинская ССР за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании первого года десятой пятилетки награждена переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Можно представить себе, что именно эту награду моя республика приняла с особым удовлетворением — нам пришлось за нее бороться с двойным, тройным усилием.

Впервые в истории Всесоюзного социалистического соревнования такое же переходящее знамя завоевали коммунисты и трудящиеся Тбилиси, города, в котором сосредоточена одна треть промышленности республики. Хочу обратить ваше внимание на яркие девизы, под которыми пришел к успехам коллектив передового в Тбилиси авиационного завода имени Димитрова — предприятие высокой культуры производства и научной организации труда: «План — закон, выполнить — долг, перевыполнить — честь» или: «Кто хочет выполнить задание — ищет пути и средства, кто не хочет — ищет причины» и еще: «Не согласен — возражай, возражаешь — предлагай, предлагаешь — сделай, сделал — научи других!» Конечно, это слова, но они не имеют возражений, они подкреплены воспитательной и организаторской работой заводской партийной организации, подкреплены и высоким качеством продукции, которую выпускает завод.

Итоги Всесоюзного социалистического соревнования 1976 года для нас особенные. Среди победителей восемь колхозов и три совхоза нашей республики. Это — свидетельство огромного патриотического подъема, с которым земледельцы Грузии — чаеводы, вино-

градари, кукурузоводы и цитрусоводы — отмечают юбилейный год нашей страны.

И еще об одном хочется сказать: в Тбилиси открыт Музей дружбы народов. С 1974 года у нас работает театр «Дружба». А сейчас принято решение превратить старейшую Военно-Грузинскую дорогу, что идет через Кавказский хребет, в дорогу-мемориал, в дорогу Дружбы народов.

Все в силах человеческих, все в руках народа, строящего свое великое коммунистическое будущее. То, что партия направила внимание людей на дела большой и неотложной важности, заметно очистило и нравственную атмосферу в обществе. Климат стал куда здоровее, потому что борьба за человека, за его духовный мир достигается не нотациями, а участием в труде. Это — главное.

Что же касается нас, литераторов, то все эти напряженные годы да и сейчас мы стараемся меньше сидеть в кабинетах, за столом. Мы бросились в самую гущу дел, на свои стройки, предприятия и в деревни, поехали на БАМ, на казахстанскую целину, к людям труда, разговаривая с ними на самые острые темы. Чаше чем когда-либо писатели и поэты стали выступать на страницах газет и журналов в качестве публицистов, очеркистов. И непременно это время отразится в произведениях советской грузинской литературы, как одно из самых поучительных и психологически сложных.

В год шестидесятилетия Октября мы с особым вниманием всматриваемся в лицо нашего современника. Пройден огромный путь, а время стало таким спрессованным, что последнее десятилетие кажется особым и по количеству сделанного и по качеству роста самого человека. Подумать только: за годы минувшей пятилетки республика ввела в эксплуатацию более семидесяти промышленных предприятий, а в сотни реконструированных вдохнула новую жизнь! Сегодня четыреста изделий нашей промышленности маркируются государственным Знаком качества. Среди них — трубо-резный станок, бесшовные стальные трубы, нефтяной битум... Одним словом, не пустячки!

Сегодня наши славные женщины-чаеводы, лелеющие каждый капризный чайный куст, вышли уже на рубеж 1980 года!

Сегодня простой рабочий Г. Римниставели с обувной фабрики «Исани» стал лауреатом Государственной премии СССР. Нет, не простой он. Качественно человек стал другим. Голова работает не меньше, чем руки. В десятую пятилетку он, судя по его расчетам, будет действовать в два раза производительнее, чем в прошлую. Это не шутка — обязать экономить 240 тысяч квадратных дециметров кожи! Но разве дело только в дециметрах?

Точнейший ответ на это нетрудно найти в строках Постановления Центрального Комитета КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Привожу эти строки полностью:

«Социализм — это общество освобожденного труда, подлинной демократии, действительной свободы личности, самой передовой науки и культуры. Он ликвидирует все виды гнета, обеспечивает право на труд, образование и отдых, полную занятость трудящихся, создает реальные возможности для всестороннего творческого роста всех членов общества».

И как ни труден наш путь первопроходцев к коммунизму — это единственно правильный путь человечества, путь, которому хранит верность и моя республика с первого ее дня.

«ПРОШЛО ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ ТОГО, КАК НАША ПАРТИЯ, ВЕСЬ СОВЕТСКИЙ НАРОД ТОРЖЕСТВЕННО ПОДВОДИЛИ ИТОГИ ПЕРВОГО ПОЛУВЕКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. В МАСШТАБАХ ИСТОРИИ—ЭТО НЕБОЛЬШОЙ ПО ВРЕМЕНИ СРОК. НО ЭТИ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЗАЙМУТ В ГЕРОИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ВЫДАЮЩЕЕСЯ МЕСТО ПО СВОЕЙ НАСЫЩЕННОСТИ СОБЫТИЯМИ ОГРОМНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ И НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ, КРУПНОМАСШТАБНОСТИ И КОМПЛЕКСНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ, ПРИСУЩЕГО ЗРЕЛОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ».

Из Постановления Центрального Комитета КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

ИЯ МЕСХИ,
фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Говорили, будто Додо работает на плотине, командует кабель-краном. (А я эти кабель-краны видела, когда их только монтировали: мощнейшие конструкции над глубоким ущельем!) Потом сказали, что Додо перешла работать на самосвал. Что за характер? Почему рвется к делам, слабому полу неподобающим? Что, на Ингури настоящие мужчины перевелись?

Вот и еду к Додо. А приезжаю, и начальник автотранспортной конторы № 6 Титз Алексе-

евич Шония — крепыш в потертой кожанке, лицо круглое, детское, голос сиплый — разводит руками. Вроде бы фокус какой-то произошел прямо у него на глазах. Вроде бы человек сию секунду был рядом — и нет его, исчез как дым, как утренний туман. Словом, неожиданно-негаданно для всех вчера вечером Додо укатила в Ленинград. Что случилось? А то случилось, что замуж она вышла! За ленинградца? Нет. За местного? Так, да не так: за студента, да еще театрального института...

Несколько мужчин с хмурыми лицами стоят за спиной Титз Шония, как бы обеспечивая его тыл. Минуту меня разбирает досада. Потом — смех. Почему напустились? У вашего друга такое событие!..

Титз Шония:

— Никто не хотел ее брать. А я посмотрел: умная, начитанная, живая, как птичка. Что ж, что девушка? Это даже лучше для нас. Собрал своих шоферов: «Вот перед вами Додо. Пройдет испытательный стаж на «БелАЗе» в бригаде Анзора Чапичадзе. Она вам сестра. Вы ей будете братья».

Мужчины за спиной молчат. В глазах один дружный упрек: «Не могла дожидаться конца стройки!» Ревность братьев — тоже ревность... Между тем Додо сейчас катит в отпуск, стучат колеса, рядом любимый человек. Ничего они, мужчины, не понимают, думаю о них чисто по-женски и иду в гараж искать бригадира.

Выписка из листа учета кадров.

Кварацхелия Додо Шалвовна.

Год рождения 1953.

Член КПСС.

Окончила 10 классов в 1971 году.

На строительстве ИнгуриГЭС с 1972 года оператором кабель-крана.

В АТК № 6 АТУ ИнгуриГЭС с мая 1976 года.

Машина «БелАЗ»-540, самосвал.

К анкете приложена предшествующая переводу обширная переписка: отношения, справки, резолюции начальников, заключения врачей. Случай необычный. Девушка попросилась водителем на «БелАЗ». Начальники не знают, как быть. Например, такая резолюция: «Прошу переговорить со мной. Это очень рискованно». Или такая справка: «Шофер 3-го класса имеет право после стажировки работать на грузовом авто шофером, будь это женщина или мужчина» (печать автоинспекции). Или такая: «Допустить по вашему усмотрению, учитывая, что новый водитель девушка» (печать милиции).

...В кабине 27-тонного самосвала место только для водителя. Впрочем, сбоку можно примоститься. Едем с Анзором в рейс, который каждодневно совершает Додо. У нее две рабочие точки: одна в «Каракумах» (так называют широкую пойму Ингури, где стоят горы обкатанной водой гальки), там Додо возит гальку на обогатительную фабрику нерудных материа-

лов. Другая точка — деривационный тоннель. Здесь самосвалам трудней. С неизменным упорством требует Додо этот маршрут. Мы едем в тоннель.

Бригада безазистов, в которой работает Додо, комсомольско-молодежная, передовая. Не раз отмечалась за отличную работу премией Минэлектростроя. Анзор, худенький, юркий парень, ловко управляет тяжеловозом. Значит, не обязательно, чтобы «БелАЗы» везли богатыри? А что же обязательно?

— Додо у нас смелая. Таких смелых девушек я не видел. Только раз посидела там, где вы, и тут же потребовала руль. Я доверил. Еще немного присмотрел и пустил одну.

Кончилась бетонная дорога. Кончился асфальт. У портала показалось, что сейчас, как пробкой, закроем своим «пароходом» горло тоннеля. Внутри темно и сыро. Шипит под тяжелыми колесами вода, мерцающая, как нефть. Идем медленно, переваливаясь. В конце трехкилометрового участка готовится взрыв.

Если б Додо была здесь, она бы вошла в тоннель после взрыва и забрала породу: 27 тонн породы плюс 21 тонна — вес самой машины. Поездка на сброс, в ущелье, и обратно, за следующей порцией. Напряжение, ухабы, тусклый свет... Для чего ей все это? Скучно на легкой работе? Да разве может работа быть легкой? На одной устают руки, на другой — голос, мозг, нервы, глаза... Нет работы без усталости. Или увлекает риск? Или дружба мужская дорогая? Или хочется отличиться? Ответила бы Додо на этот вопрос? Пожалуй, я бы не спросила. Наверное, однозначного ответа не может быть.

Анзор делает немыслимый в тесноте разворот, и мы выползаем на свет божий. В ущелье горной речушки Олори, ингурского притока, мечется первый весенний сквознячок, цветут горные фиалки. И эту весну Додо, водитель «БелАЗа», увозит с собой. Ведь стройка потерпит? Товарищи подменяют на время отпуска. Не всегда же человек — стройке. Иногда и стройка — человеку.

ИНТЕРВЬЮ С ТРЕМЯ ИНЖЕНЕРАМИ:

Гидростроитель
Бычэк Петр Никитич, начальник «Плотин-строя».

(43 года. Родился в Казахстане, в украинском селе Киевна.

Кончил институт в г. Фрунзе. 10 лет на сооружении Красноярской ГЭС — от рабочего до начальника участка. В Асуане строил здание ГЭС. Начиная стройку на Волге, в Новочебоксарске. Здесь 4 года.)

— Сегодня Ингульская плотина в инженерном плане для гидростроителя самый интерес-

ИНГУРСКИЙ ХАРАКТЕР

по старым адресам

В 1967-м, в год пятидесятилетия Великого Октября, «Огонек» показал на своих страницах великие свершения, происшедшие за полвека во всех союзных республиках. Ныне, в год шестидесятилетнего юбилея Советского государства, мы решили наведаться по старым адресам и рассказать о достижениях последнего десятилетия. Сегодня мы отправляемся в путь. Первой предстает на наших страницах Грузинская ССР.

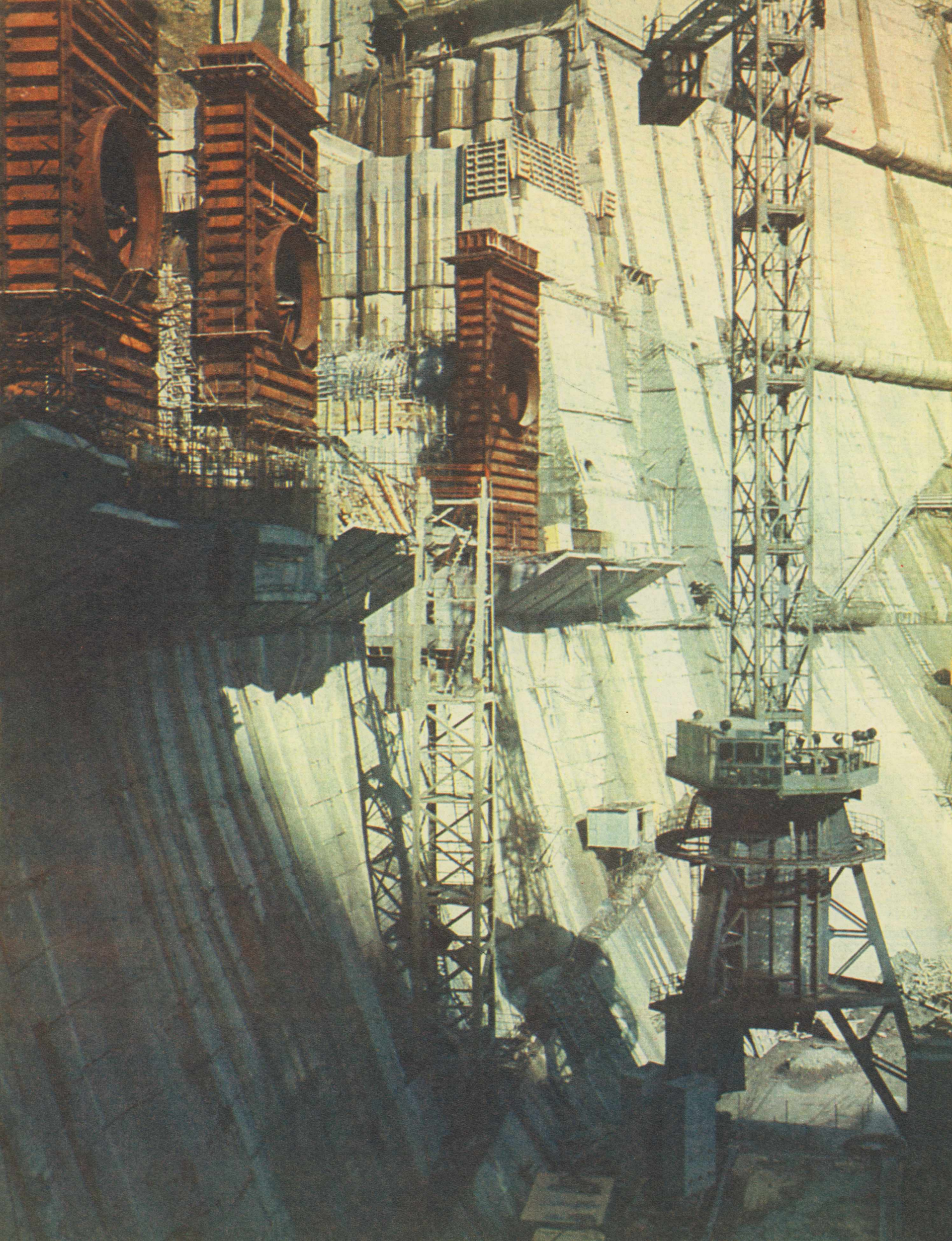
Десять лет назад «Огонек» писал: «...А маленькое глухое местечко Зугдиди превратилось в красивый южный город, занятый сейчас строительством крупнейшей в Закавказье Ингульской ГЭС». Теперь Зугдиди стал центром гидроэнергостройки, которая в 45 раз мощнее ЗАГЭС, построенной 50 лет назад по плану ГОЭЛРО. И здесь, в Зугдиди, после пуска РионГЭС поднялся красавец целлюлозно-бумажный комбинат. Недавно мы проехали по старым адресам, вернулись туда, к истокам сегодняшних свершений. Итак, минуло десять лет...

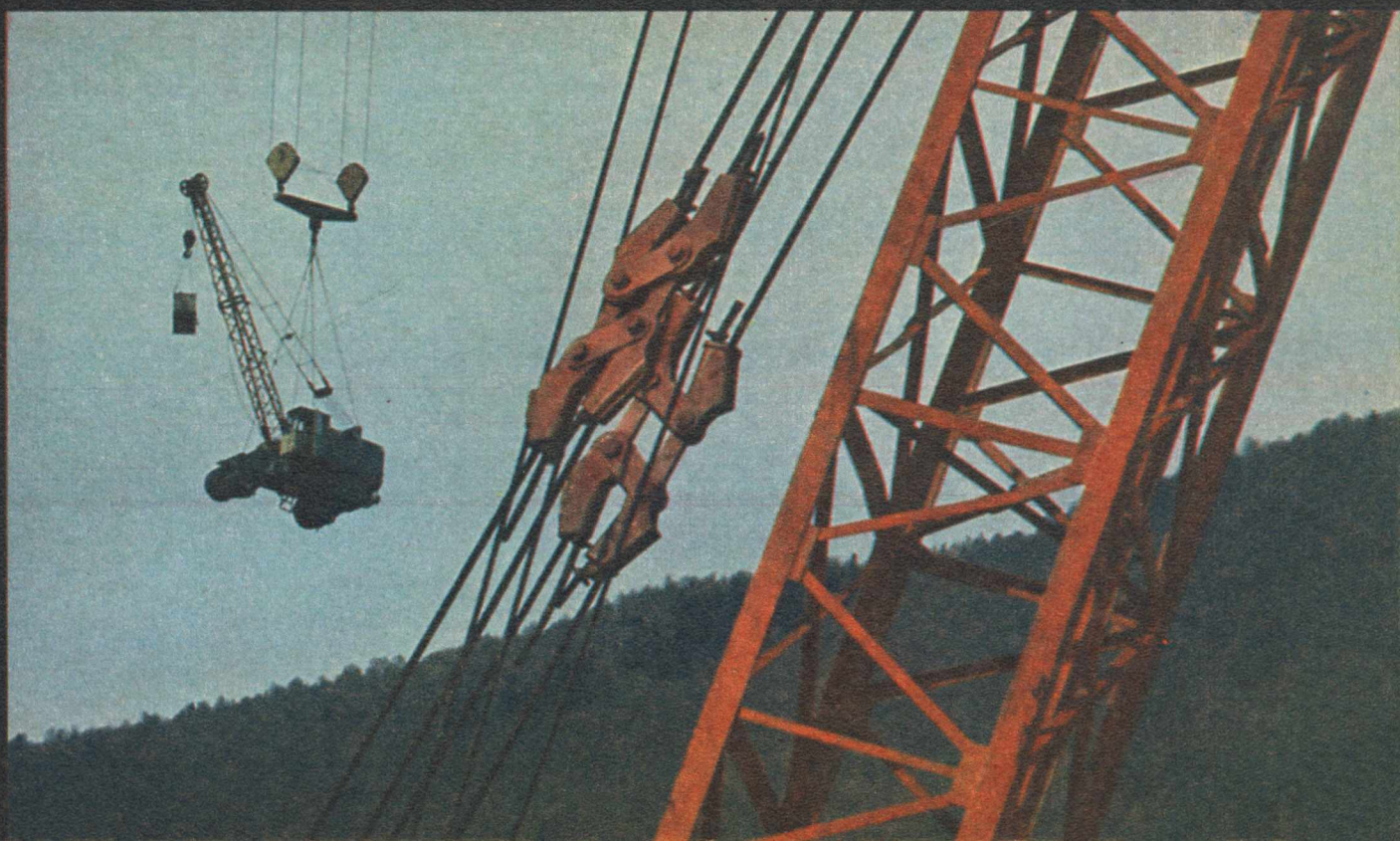
Лучшие бригадиры стройки на Ингури — члены совета бригадиров.

Джвари — поселок строителей Ингульской ГЭС.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Растет в горах плотина. Строителям приходится осваивать альпинистские кручи, а техника на отвоеванных площадках иногда доставляется по воздуху.

ный объект. Интерес этот в сложности. Сложность — в цепочке. Далеко от меня стоит на Ингури драга, намывает инертный материал. Он идет на бетонные заводы. Нижний — в «Каракумах», верхний — над плотиной. Верхний завод уникальнейший, непрерывного действия. Сюда поступает специальный гидротехнический цемент особой крепости. Делают его руставцы. Песок и гравий идут с поймы Ингури по четырем ниткам четырехкилометровой канатной дороги. Над плотиной несколько кабель-кранов непрерывно укладывают бетон. Конфигурация плотины арочная, подобна воронке, разрезанной вдоль и поставленной выпуклой частью к реке. Всего надо уложить в плотину четыре миллиона кубометров бетона. Такого в арочном плотиностроении еще не бывало. Высота плотины — двести семьдесят один с половиной метра. И этого тоже не бывало. Для научных наблюдений в тело плотины вмонтировано около пяти тысяч приборов и «единиц» контрольно-измерительной аппаратуры.

Технолог по бетону
Шелля Хондзи Григорьевич, начальник «Тоннельстрой».

(46 лет. Деды, прадеды из окрестных деревень. Мать и сейчас учителствует по соседству в селе. Окончил Московский инженерно-строительный институт (МИСИ). Готовился к защите диссертации. Бросил. Приехал на Ингурискую плотину. Закладывал первый куб бетона. Три года назад назначен руководителем стройки тоннеля.)

— Деривационный тоннель — среднее звено между плотиной и подземной ГЭС. Чтобы запустить большое количество воды в пятнадцатикилометровый тоннель, нужны большие сечения и надежность подземного сооружения. Мы строим тоннель особо крупного диаметра: около десяти метров. Строим в два яруса. Сначала проходим верхний, бетонируем его, затем нижний. Непредвиденное: карстовые полости в горных породах вокруг тоннеля. Приходится их тщательно обрабатывать, чтобы не было обрушений. Сейчас исторический этап: последние взрывы между третьим и четвертым участками. Проходка по всей трассе закончена. Остается добетонировать.

Горный инженер
Годжиашвили Ушанги Иванович, начальник стройки силового узла.

(42 года. Родился в горах Пшавети. В юности был пастухом. Высшее образование получил в Тбилиси. Потом Донбасс, Ворошиловградская область, шахта 1/2 «Новая Голубовка», 8 лет от мастера до главного инженера шахты. 12 лет назад, к началу подземных работ, переехал на Ингури. В 1973 году, в Московском Институте горного дела имени Скопинского, защитился на степень кандидата технических наук. Тема — «Скоростное проведение горных выработок большого сечения».)

— Здесь все огромно. Прежде всего кубатура Главного здания (скорее полости), где сейчас монтируется силовой узел. Для наглядности: поперечное его сечение в пять раз больше самой крупной станции метро. Работали нестандартно. Все решения подбирались на месте. Буровзрывной метод пришлось усовершенствовать. Глубину бурения довели до шести метров, тогда как оборудование обеспечивало его на три метра. Четырежды устанавливали всесоюзные рекорды по скорости проходки. Последний рекорд держится по сей день.

Резюме начальника стройки ИнгуриГЭС
Цискаришвили Михаил Аполлонович.

(48 лет. Выпускник Тбилисского политехнического института. Гидростроитель. Автор про-

екта Большой Алазанской оросительной системы. Начальник строительства этой системы. Руководителем стройки Ингуриского гидроузла назначен в 1972 году.)

— Особенность нашей станции не в ее мощности, хотя после полного пуска она станет самой мощной в Закавказье — один миллион шестьсот сорок тысяч киловатт. Измерение, не поддающееся языку цифр, — это класс технической сложности, глубина, точность и полет инженерного замысла. Когда мы сдадим стройку, советским гидростроителям станет по плечу любая технически сложная задача.

А я все хочу представить, что все же развернулось тут, на площади в тысячу квадратных километров, в треугольнике, вершина которого опирается в будущее «Сванское море», а основанием служит море Черное.

Дороги... Их здесь около пятидесяти — и горных и долинных тоже. И свое «Садовое кольцо» с поселками строителей и городов

Додо Кварацхелия — водитель БелАЗа.

Фото Н. Рахманова и И. Чохонелидзе.

Зугдиди в виде камня в перстне. Тогда, лет десять назад, все это строилось, все было в начале. В узкой теснине взрывали скалы, готовили створ будущей плотины, углубляли ингуриское дно. Тогда в подземную ГЭС я спустилась в какой-то бочке и увидела внутри нечто похожее на келью инока. Сейчас въехала на «Волге» во дворец!

А что сделали с достопамятной Ингури, несущей за собой шлейф 174 кавказских ледников? Затолкали в отводной тоннель! Но это бы еще ничего. Перекрыли ниже по течению и заставили идти к отводному каналу. Там, на отводном, раньше, чем основную станцию, построили четыре перепадные ГЭС, иронически именуемые здесь «мельницами» (в сумме-то они дают мощность десяти ЗАГЭС). Займись, мол, река, этим, пока не дадим тебе настоящее дело в главном здании подземной ГЭС...

Рассказ Русуданы Дмитриевны Анобия, матери Додо.

(Р. Д. Анобия окончила в 1949 году юридический факультет Тбилисского университета. Работает юристом в колхозе.)

— У Клары (это моя старшая) все шло чин-чином. Сейчас в Ленинграде живет и работает врачом-травматологом. А с Додо у меня много переживаний, хотя она и очень хорошая. Думаете, почему пошла на стройку? Видела, как мне трудно было одной поднимать на ноги Клару. Я, говорит, мама, тебе помогу. Хорошо. Но зачем лезть на плотину? Знаете, как там трудно девушке, особенно в ночную смену и

зимой, когда ветер в ущелье воеет? Додо говорит: «Ты не бойся, ребята костры разжигают, чтоб я не замерзла». Она ведь четыре года выходила на бетонную площадку и по рации указывала машинисту кабель-крана, куда спускать бадью. Иной раз жду ее с вечерней смелой, ночью, а ее нет. Выхожу на дорогу (мы на самом перекрестке живем), ловлю попутную машину — и на плотину... Додо очень сердилась: «Не позорь меня, мама. Видишь — сменил не явился. Не брошу же я работу!» У них там бетон идет без передышки...

А потом она стала бегать на курсы шоферов. Для чего бы, думаю? Машины девушки водят, конечно, но чтоб громадные БелАЗы — не слышала. Может быть, надо было ей помешать, а я уже тоже втянулась. Вместе переживали, как ее не хотели брать в третью АТК, а в шестую Титико Шония взял. Додо прибежала домой радостная, начала меня целовать. Опять надела каску. Видите, сколько у нее касок на полке? Прямо коллекция целая!

Но родственники замучили, ходят, возмущаются: «Что она, беспризорная, что ли, в шоферы пошла?» А у нее просто характер такой. Мы здешние, из этой деревни. Отец мой рассказывал, что когда в Джвари колхоз организовывали, он первый записался и скотину свою пригнал. Решительно поступал. И Додо вся в деда. Вот и сейчас меня ошеломила. Всегда около нее много товарищей. И этого Бабуши я тоже принимала за товарища, а он, оказывается, жених. В один день все решилось, поехали к Кларе в Ленинград. Уезжая, Додо сказала: «Мы с Бабуши договорились, что пока не уйдут ГЭС, я со стройки — никуда...»

На ИнгуриГЭС объявлен пусковой год. Скоро начнет заполняться «Сванское море».

ИнгуриГЭС — Всесоюзная комсомольско-молодежная стройка. У въезда на главный узел — большой транспарант: «Деды строили ЗАГЭС, отцы — Рустави. Мы строим ИнгуриГЭС».

На силовом узле работает бригада проходчиков. У бригадира Кахи Кварацхелия, лауреата премии Ленинского комсомола, работает в бригаде и старший брат — Борис. Каха с ребятами заняты взрывами и бурением. Борис отвозит породу к подъемникам. Грузовой автомобиль Борису спускали вниз по частям. Он его сам собрал. Несколько лет, как коногон в шахте слепую лошадь, водил он машину до полного износа всех железок. А был Борис актером Зугдидского драматического театра. И, говорят, не последним. И вот огням рампы предпочел тусклую шахтерскую лампочку в самом чреве горы. Однако к рампе он выходит — но после работы, чтобы доставить удовольствие товарищам.

...Стою на плотине с бригадиром бетонщиков Меликовым. Он грек, из тех, чьи предки во времена Паскевича и дипломатических миссий Грибоедова перешли из Турции в единоверную Грузию. Имя Меликова — Колхоз. Так нарекли родители в пору коллективизации. Деревенский священник записал Анастасом, а он все же остался Колхозом. Для Колхоза это пятая по счету ГЭС, которую он строит. Таких опытных гидростроителей здесь немало. Но Колхоз отличается какой-то особой безотказностью, не чурается самой трудной и грязной работы. Первоклассный бетонщик, он занимается попутно и очисткой нижних галерей плотины. Почему?

— Мастеров развелось много, — говорит, — а кто будет неприятную работу делать?

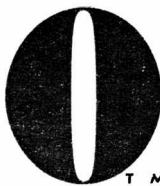
...Тоннельщики живут выше всех, в горах, в рабочем поселке Эрис-Цкали. В поселке — школа. В школе — завуч, Лали Альфесовна Тоидзе. Преподает математику и физику. Рассказывает про себя:

— Оставила Тбилиси, оставила кафедру университета, пошла за мужем... И ничего! Живет неплохо. Обе мои малышки тут же в детском саду. А в школе — неподнятая целина. Интересно!

Вот и наша Додо вернулась из отпуска, снова села за руль. И потекли будни водителя БелАЗа. И состоялся XVI съезд профессиональных союзов Грузии, на котором коммунистку Додо Шалвовну Кварацхелия избрали членом республиканского совета. Ведь она из тех, кто знает цену рабочего пути, из тех, кто не ищет для себя легких дорог.

Манана Гургулиани и Гурам Гиргулиани — участники народного ансамбля песни и пляски из Верхней Сванети, в горах которой рождается Ингури.

Фото Л. Шерстенникова

XIII

Олимпиады осталась досада. Я не почувствовала жажды олимпийской победы, не испила до конца эту чашу, а только глотнула — в последний момент.

Ко второй Олимпиаде я шла сознательнее и, мне кажется, мудрее. Шла не под прикрытием крепкой тренерской спины, а вместе с тренером.

Я знала, что надо беречь себя от растраты эмоций. Знала, что будет мало тренировок, мало льда, а ведь ты хочешь выступить в полную силу, и мышцы твои привыкли в полную силу работать, и в этих условиях особенно трудно себя контролировать.

И если в Саппоро в 1972 году я практически не могла собой управлять, то в Инсбруке в 1976-м управляла, и сознавать это мне радостно. Может быть, я выступила не так, как хотели многие, как сама я хотела, но я смогла себя настроить как надо, переломить, когда надо, и этим довольна.

Перед этим на соревнованиях в Москве, в Риге, на первенстве Европы Саша был мне опорой, а я — чуть слабее его. В Инсбруке я снова взяла руль в свои руки. И дело не в том, кто какой элемент сорвал или не сорвал. Я говорю даже не о катании, а о тренировках и разминках, во время которых почувствовала, что снова стала ведущей.

В первые годы нашей работы Саша прогрессировал гораздо быстрее меня. Точка отсчета была другой — много ниже. И он стал словно переигрывать меня, выдвигаться вперед как партнер. С одной стороны, мне это было приятно: ведь в его выдвигание вложена частица моего труда. С другой — я тоже спортсменка, и я уже говорила, что парное катание — это вечное соперничество характеров и воли. А в Инсбруке я поняла, что Саша меня еще не переиграл, еще не перерос.

Вторая олимпийская медаль для меня тяжелее первой: я шла к ней сознательно. Не скользила, а шла. Я стала взрослой. Но и счастья больше от второй медали.

Вышли мы на разминку перед обязательной программой, я свое делаю, и смотрю на Сашу, и вижу, что он вроде «не в ногах», да и сама чувствую после каждого элемента усталость — как у пожилого человека, когда он по лестнице поднимается.

Я шла со льда и ругала и стыдила себя: «Есть у тебя совесть — от одного элемента задыхаться?»

В общем, поддержка и прыжок прошли на сплошном волнении. Обычно именно они у нас ударные, остальное делается немного на спа-

де, а тут первые два элемента — борьба с собой, и мы не в своей тарелке, зато финиш — с настроением.

Короткая программа мне обычно помогает снизить возбуждение. Откатаешь ее, дальше — легче.

На разминке перед произвольной — несчастье за несчастьем: то один мне помешает, то на другого наеду... «Ну, — думаю, — если так, то все нормально: говорят, что после радости — неприятности (по теории вероятности), а у меня обычно наоборот».

В произвольной ошибался Саша. Он, видно, в Инсбруке испытал то же, что я в Саппоро, — невозможность овладеть собой. И хотя я его о многом предупреждала, но Олимпийские игры — это Олимпийские игры, их надо один раз увидеть, а сто раз о них слышать бесполезно.

В Инсбруке был дополнительный день отдыха — между обязательной и произвольной. Как будто специально назвали: на чемпионатах Европы и мира у нас один график соревнований, а здесь другой. Для усложнения, что ли, условий. Попробуй не переборщи! Тем более мой Саша имеет одну любопытную особенность: в период до основных соревнований ему на тренировках все время кажется, что мы перерабатываем, переутомляемся, а на трех последних тренировках перед главным стартом сезона его охватывает колоссальная жажда деятельности — словно он сразу хочет все наверстать. И в Инсбруке свои силы он распределил явно неправильно...

Может быть, потому, что к высоким результатам он пришел быстро, в последнее время он как спортсмен переживает сложный период.

В годы работы с Жуком он как личность себя на льду не проявлял и не мог проявить. Он был словно зажат, со всех сторон обложен, разговаривать ему особенно не разрешалось, и мнения его не спрашивали. Он был весь молчание и надежность.

Сейчас, когда он до многого дошел уже своим умом, ему хочется поделиться с окружающими собственным пониманием фигурного катания. Тем более это в какой-то степени легче, потому что Татьяна работает не так, как Жук, без той суровости. А через «период собственного мнения» спортсмен должен пройти обязательно, как через испытание славой.

Однако Татьяна — женщина, а женщина женщину легче поймет, она ее и поругает и пожалеет больше. И Саша оказался меж двух огней. Иногда он себя ведет прямо по-детски, обижается, как ребенок, если мы его не слушаем и в два голоса настаиваем на своем.

Но, именно тренируясь у Татьяны, Саша начал расти творчески, больше раскрылся как личность. Правда, когда человека долго не побуждали к творчеству, то ему трудно: если какие-то идеи у него и возникают, то их порой надо буквально вытягивать. Тем более что в нашем деле, в его чисто художественной части Саше трудновато: он застенчив.

Вдобавок ему перестало быть на льду так легко, как раньше. Он был мальчишка со свежими мышцами и свежей нервной системой, а за три года утомление как-никак накапливалось, и теперь оно сказывается, его надо перерабатывать, чему Саша пока еще учится.

В принципе он идет той же дорогой, какой шла я, но с интервалом лет в пять — семь, хотя разрыв начинает уже наверстываться.

Не очень ловко критиковать мужа публично, а тем более хвалить. Для завершения характеристики скажу коротко: Саша на льду и Саша в жизни — два разных человека. Он просто поразительно меняется — мгновенно перестраивается. В последнее время на катке он все больше упрямый, колючий, несговорчивый, но стоит только взяться за чехлы... Я — другое дело, после льда мне полчаса ни с кем

общаться не хочется: если на катке выкладываюсь, то потом словно опустошенная. А в Саше именно после льда вспыхивает неукротимое желание общаться и действовать. И если я ему в машине или дома начинаю снова говорить что-то о фигурном катании, он молчит и думает, наверное: «Господи, опять она все о том же».

Вот в футбол он может играть до упаду. И в хоккей.

И еще от чего он никогда не отказывается — от сладкого и от мороженого.

С. ТОКАРЕВ. Цена победы порой видится явственнее, если представить себе возможную моральную стоимость поражения. 13 золотых наград в олимпийской копилке Инсбрука. Без медали, завоеванной Родниной и Зайцевым, было бы 12. Но одному ли мне казалось тогда — и сейчас кажется, — что общеконандная победа выглядела бы именно без этой медали несколько менее эффектной? Как, например, и без хоккеевой.

Итак, их победа была всем нам совершенно необходима. Ира знала это, Саша тоже знал, и эта ответственность затрудняла и без того не легкий путь к победе. Будучи непосредственным свидетелем событий в Инсбруке, хочу дополнить рассказ Родниной своими впечатлениями.

Накануне старта местная газета «Тиролер цайтунг» опубликовала их фотографию: они делали первый шаг из-за бортика на лед. Смысл подписи состоял в том, что-де этот шаг непосредственно ведет на пьедестал — на высшую ступеньку. Я подумал тогда, что черти бы взяли автора подписи: будто нарочно хотел слазить (как видите, суеверными в острые минуты соревнований не одни спортсмены становятся).

Однако обязательная программа прошла спокойно, а в день произвольной мой коллега правдивист Лев Лебедев заранее предупредил меня, что, когда все кончится, надо будет стремглав бежать за нулисы брать интервью: «Ты приготовь на всякий случай какой-нибудь сувенир, лучше всего значок, а то полиция нас не пропустит».

Они вышли на лед, я приготовил блокнот, в котором были записи последнего разговора с Ирой — ее обычные ощущения во время катания.

«Самое главное в первой части — не «закататься», но и не перегрузиться. Если «закатимся», будешь «дергаться», если перегрузишься — после будешь ноги еле передвигать».

Первую часть они славно откатали — размашисто и отважно.

«Во второй главное — вдохнуть поглубже, и потом — двойной аксель».

Саше этот прыжок удавался всегда, а у Иры в период подготовки он однажды вдруг разладился.

Но тут, вздохнув, она свечкой взмыла в воздух.

А Саша внезапно приземлился на обе ноги. И хотя все дальнейшее прошло нормально, хотя никто из сильнейших в тот вечер ошибок не избежал, все равно испорченный «аксель» вызвал тревогу, и ожидание результатов на нашей журналистской трибуне было неуверенным, опасливым...

Не только на трибуне. Зайцев не ушел в раздевалку, стоял и смотрел то на лед, то на таблицу, и когда там зажглись оценки последней пары, он просто сел на пол: ноги, видно, отказались его держать.

Лебедев дернул меня за рукав: «Бежим». «А стоит?» «Ты с ума сошел? Они же чемпионы». Значков не понадобилось — полицейские тоже кинулись брать автографы у победителей. Крохотная раздевалка была битком набита цветами, цветы лежали в рукомойнике и на полу, и Зайцев, стоя на цветах, с трудом стаскивал майку с мокрого тела. Семикратная чемпионка мира, двукратная — теперь уже — олимпийская чемпионка комочком сидела в углу. Ее лицо было и светло, и печально, и радостно — как у каждого, кто способен на сильное чувство и сейчас так много пережил.

Зайцев расстегнул рубашку и под нее, прямо на голое тело, повесил медаль. Сказал:

— У меня вообще-то было много счастливых дней, но теперь я точно знаю, что этот — самый счастливый.

Роднина молчала.

Ее висевшее на распилье синее платье, такое маленькое, точно детское, было влажным и очень тяжелым.

— Ничего, — сказал Зайцев, — у нас с ней поговорка такая: «Терпи, трудно только первые пять минут».

Пять минут и занимает произвольная программа.

Мой рассказ подходит к концу вместе с сезоном. Позади чемпионаты Европы и мира, позади Олимпиада, начинается время турне.

Теснее всего спортсмены связаны между собой именно в показательных турне и легче всего общаются. Нет уж борьбы, нет соперников, и пока ты дождешься в раздевалке своего номера во втором отделении, успеешь со всеми перекинуться фразой. Тут все вместе — партнерши, одиночницы, и пока они пудрятя и приводят в порядок прически, разговоры не умолкают. У тех, кто выступает в парном катании и танцах, любимая тема — партнеры. Когда мы ее обсуждаем, на всех языках звучит одно мнение: мы, партнерши, — народ более трудолюбивый и увлеченный...

О планах на будущее говорят в раздевалке, о возможностях дальнейшей работы... О кино, о музыке, о моде. О костюмах — кто где их шьет...

Я в основном заказываю костюмы в нашем ателье спортивной одежды на Пятницкой. Одно время шила в мастерских Большого театра. Там, конечно, мастера-художники, они произведение искусства создают, а не спортивное платье, но это, по-моему, не подходит к стилю моего катания: мне нужны строгие линии, четкость нужна, не годится слишком пестрая гамма. Костюм для парного катания видится мне сугубо спортивным, излишние украшения ему не идут, а платье с уклоном в эстрадность подходит больше для танцев.

Телевидение чрезмерно обострило интерес зрителя к костюму фигуриста. «На партнерше платье цвета электрик с серебряной вышивкой, на партнере — элегантный синий костюм...» Это напоминает сеанс показа моделей. Главное-то все-таки — как ты катаешься, а не что на тебе блестит.

О чем еще говорят в раздевалках? Секретами делятся. Рассказывают, кто, как и сколько работает, как подбирает музыку — самостоятельно или с помощью тренера. Вообще обсуждается роль тренера, а она у нас и на Западе не одинакова.

Я здесь еще раз должна напомнить читателям, что на льду перед ними спортсмен показывает главным образом свое катание, а творческая часть программы, постановка принадлежат тренеру. Это его идеи, его душа выражены в наших движениях.

В странах Запада дело обстоит чаще всего по-другому: большая часть постановочной работы лежит на плечах самого спортсмена. В США и Канаде спортсмен сам оплачивает труд тренера. Высококвалифицированный тренер за 20 минут работы с фигуристом получает 10—12 долларов. Поэтому, кроме своих основных учеников, он должен работать с уймой других; перспективны ли они — неважно, важен доход. Кроме того, американские фигуристы сами оплачивают лед — так сказать, по осевому принципу: они могут купить на два часа или час весь каток, половинку, четверть...

И поскольку все это недешево, то спортсмены даже разминаться привыкли по-другому, чем мы. Они не делают сначала шагов, а с первой секунды начинают прыгать и поднимать партнерш, им время дорого.

Программы на тренировках они исполняют обычно целиком, у них нет понятия «прокат по частям», и отработке каждого элемента, каждой связки они не уделяют того внимания, что мы. Спортивную форму они, как правило, набирают во время показательных, в которых выступают очень часто. Но у американцев и канадцев нет усталости от льда, пресыщенности. Каждая тренировка для них радость, а бесплатная тренировка — вдвойне.

Бывало, когда Толлер Крэнстон приезжал в Москву на показательные, он тренировался на

И. Роднина, Т. А. Тарасова и А. Зайцев.

Фото А. Бочинина

льду Лужников столько, сколько ему позволяли, — мог хоть с утра до вечера.

Упомянув это имя, так громко звучавшее среди широкой публики в течение нескольких последних лет, хотелось бы сказать, что я о нем думаю.

Мне нравится в основном один номер Крэнстона — «Паяцы», действительно уникальный. Можно только мечтать о том, чтобы так артистично владеть телом. Но мы, спортсмены, всегда относимся к Толлеру немного иронически. Да, он художник, он артист, но он не спортсмен. А для нас именно это очень серьезный критерий. По себе знаем: одно дело — уметь, другое — показать все, что умеешь, когда это больше всего нужно. И вот показать, когда нужно, то есть на главных соревнованиях, Толлер не умел. Ни разу я не видела, чтобы он прошел ровно все три вида программы, а ведь мужское фигурное катание — это троеборье.

Да, подкупает артистизм Крэнстона, его колоссальная музыкальность — колоссальная! Естественность его движений — именно его, выражающих только его, ни у кого не заимствованных. Но газетная шумиха, вызванная, кстати, главным образом его концертными номерами, а не спортивными выступлениями, была все же погромче, чем того заслуживал объект. Хотя в конце концов шум пошел на пользу именно фигурному катанию как спорту: больше внимания стали обращать на пластику,

на композицию в мужском одиночном катании, и художественный его уровень сразу вырос.

...Я говорила о нелегких условиях, в которых работают заокеанские фигуристы. У нас легче: труд тренера и лед оплачивает государство. Мы имеем возможность тренироваться серьезнее и полноценнее. Но используем ли мы так, как должно, эти преимущества, не транжирим ли наших благ? Мы любим пожаловаться: баз не хватает, льда не хватает... А сколько времени мы теряем впустую на этом льду? Для нас он бесплатный, а всегда ли мы знаем цену труда, который затрачивается на то, чтобы дать этот лед?

...Если человек с детства не приучен уважать чужой труд, дорожить им, в нем самом трудно воспитать трудолюбие.

Не знаю, стану ли я тренером. Но хотела бы им стать. Поэтому я много размышляю о том, как работать с юными спортсменами.

Знаю, например, что ребенок ценит доверие, любит, чтобы с ним обращались как со взрослым. Но доверять ему во всем нельзя, так как желания его непостоянны (это все равно как он профессию выбирает: одну неделю хочет быть поваром, другую шофером). Поэтому детей надо постоянно организовывать, все время ненавязчиво проверять. Тем более если это касается спорта. Ведь спорт — одна из немногих областей человеческой деятельности, где и в детском возрасте нужна систематическая работа, причем не впрямь, с прицелом на будущее, как в школе, а связанная с конкретной целью, конкретным сегодняшним результатом. Но цель эту видит взрослый, а ребенок еще не в состоянии сознательно связать свою мечту с необходимостью ежедневно по несколько часов совершать порой однообразные усилия. В таком случае только первые 40—50 минут тренировки — то есть именно взрослой работы — дают результат, а потом ребенку все приедается. Тогда надо срочно менять характер занятий, вводить что-то новое, придавать тренировке характер игры — даже на льду.

Дети, мне кажется, устают прежде всего эмоционально. Физически они гораздо вынос-

И Л Е Д

ливее нас, взрослых. У них богаче координация, их организм легче восстанавливается после нагрузок.

Отсюда нынешняя тенденция на омоложение большого спорта, тяга к тому, чтобы совсем юных привести к высоким результатам. Современный спорт — это огромные объемы тренировочной работы, а так как дети восстанавливаются быстро, то, имея дело с юными спортсменами, нагрузки не нужно так тщательно рассчитывать.

Но я считаю, что мы не имеем права в погоне за результатами рисковать здоровьем детей, их будущим. Нашим будущим.

Я спрашиваю себя: если у меня будут дети, станут ли они заниматься спортом? Не знаю. Может быть, и нет. Я им запрещать не стану, но и не заставлю, насильно за руку не поведу...

Меня водили, но я была постарше нынешних начинающих спортсменов, а к пятнадцати годам уже сама привязалась к спорту. А сейчас приобретать привязанность в пятнадцать лет поздно, это ты уже переросток получаешься.

Не знаю, хотела бы я, чтобы мои сын или дочь прошли по дороге, которая сейчас ведет к чемпионству. Слишком это трудный, порой мучительный, порой горький путь. Но я точно знаю, что и отгораживать ребенка от спорта нельзя, преступно лишать его наслаждения физическим движением...

XV

Зарубежные турне бывают двух видов — по Европе и по Америке. Турне по Европе в познавательном смысле дает не очень много: западная часть нашего континента невелика, а стран много, и организаторы умудряются за двадцать дней прокрутить пятнадцать выступлений в пятнадцати городах разных государств. Мы ничего не видим, успеваем только, примчавшись с аэродрома в отель, разобрать сумку и привести себя в порядок. Главное впечатление о европейском турне — бесконечное открывание и закрытие чемоданов.

Другое дело — турне по Америке. Там больше свободного времени, больше экскурсий, знакомств — американцы гостеприимны...

Целый день обычно уходит на поездку в Диснейленд — удивительную страну детства, которую Уолт Дисней сделал, по-моему, даже более интересной для взрослых, потому что для детей стихия сказки естественна, они ее принимают как должное, а к взрослым словно возвращается их детство. Диснейленд — это невероятное путешествие сперва по прошлому Америки — по Миссисипи, на которой тебя подстерегают водопады, дикие звери, свирепые индейцы... Путешествие продолжается в фургоне по Среднему Западу, потом на стареньком «форде» модели Т... Словом, Соединенные Штаты показывают себя гостям в географическом и историческом разрезе сразу... Незабываемое зрелище — Диснейленд.

Но и здесь, за океаном, турне для нас не развлечение, а тоже тяжелое дело. «Трупца», сформированная из лучших фигуристов мира, так и именуется в афише — «Олл старз», «все звезды». И мы, значит, тоже «звезды», и за нами особенно внимательно наблюдает зритель. Советские фигуристы выступают обычно во втором, сильнейшем отделении, и каждый номер надо подавать, что называется «на полную катушку», а меньше трех номеров не получается. Это для нас турне престижа, мы свою страну представляем и должны ее представить достойно.

И как большая награда за все пережитое, за весь год, ждет нас турне по своей стране — самое хорошее, самое долгожданное. Ты выступаешь, сколько можешь, и больше, чем можешь, — до упаду. На закрытых катках, на открытых, где какие есть, публика самая доброжелательная: она одному тому рада, что ты приехала, что вышла перед ней на лед — за это одно она благодарна.

Помню, в Барнауле на почте я отправляла домой книги, ко мне подошла старушка, попросила подписать бандероль. Вгляделась в меня: «Деточка, а ты не Роднина?» Я сказала: «Да». «Милая, у вас же здесь показательные выступления, ты ж меня проводи». Я ее попро-

сила за полчаса до начала прийти к служебному входу, а она в голос: «Милая, да я за два часа приду!» Я бы, если могла, каждый раз десятки людей в зал протаскивала. Особенно детей, школьников.

Почему, когда у нас идут тренировки перед соревнованиями, на них нельзя провести детей? Такие тренировки уже, по существу, соревнования: каждый из нас показывает все, что может, и в зале сидят специалисты, а для нас все равно, тридцать человек на трибуне или три тысячи. А детей можно предупредить, чтобы они сидели тихо. Только продавать билеты на такие тренировки, как это иногда делают, по-моему, кощунство. Ведь одно то, что дети увидят спорт, ощутят тягу к нему, для государства гораздо важнее, чем несколько сот рублей.

Как школа дает ребенку широкие понятия о современном уровне знаний во всех отраслях, так надо дать ему и широкие понятия о физической культуре. К сожалению, того, что он получает на уроке физкультуры, мало. За пятнадцать минут он едва успевает переодеться (физкультурная форма наших детей должна вызывать угрызения совести у взрослых), и за три четверти часа даже самый талантливый педагог ничего классу не даст.

Вместе с тем учебный процесс в школе становится все насыщеннее и напряженнее: ведь вот уже вся семья над задачками бьется... И днем детям некогда отдохнуть, и фильмы интересные по телевизору чаще всего идут после девяти вечера, и еще эти бесконечные транспортные передрыги больших городов... Ребенок устает, все ему надоедает — смотришь на него, а он как сонная муха... Хватит ли сил у него ехать на стадион, иной раз на другой конец города?..

Наверное, если вблизи друг от друга строятся несколько школ, между ними должен быть полноценный спортивный комплекс. Спорт надо приблизить к месту учебы и к месту жительства — только при этих условиях молодой советский гражданин получит нормальную физическую закалку на всю жизнь. Надо, чтобы спортивный комплекс — не примитивная площадка, а именно комплекс с залом и бассейном — встал в живой квартал так же органично, как магазины, школы, детские сады. Я понимаю, что это вопрос будущего, и все равно его надо решать скорее, не растягивая на десятилетия — темп нашей жизни таков.

...Турне по стране — это большей частью города Сибири, и какое же здесь у нас настроение замечательное: сезон кончился, все испытания его позади, и люди, которые нас здесь встречают, просты и отзывчивы, и понимаешь, как надо кататься, чтобы отблагодарить их за гостеприимство.

Для меня смысл таких показательных в том, что я сама словно внутренне очищаюсь. Катаешься искренне, чувствуешь наслаждение не только от собственного катания, но и от общения с теми, кто на тебя смотрит, даешь им радость, не скупясь, не оставляя при себе...

Такой миг полной самоотдачи бывает редко. Если бы это случалось всегда, то, наверное, потерялась бы острота ощущения этого мига. Но лишь раз ее испытав, стремишься к ней постоянно. Всегда хочешь снова почувствовать удивительное состояние полного слияния с залом — ты улыбаешься, и зритель улыбается, ты глаза опустила, и он за твоим взглядом следует, ты бежишь, и он словно бежит с тобой.

Ты уходишь со льда, и нет сил дойти до раздевалки, а на душе легко.

Это ощущение ничем не измерить, оно не зависит от количества брошенных на лед букетов, от долготы и громкости аплодисментов. Это бывает и тогда, когда не все хорошо получается технически, бывает чаще всего на показательных, потому что во время соревнований публика много от тебя ждет и ты ей обязана дать другое. А во время турне на закате сезона ты уже не можешь вызвать восторг чисто спортивными качествами, но тут от тебя совсем другого хотят, и силы пробуждаются другие, и другие чувства поднимаются из глубины души.

Люблю финал показательных, когда мы все вместе выстраиваемся и едем по кругу. И видим весь зал сразу, всех людей. Они тянутся к нам, а мы — к ним.

...Всю жизнь буду это помнить.

Иван САВЕЛЬЕВ

* * *

Дочь моя,
Прости, что память трогаю:
Лишь в твои глаза я загляну,
Так войду в желанную, далекую
Детства отшумевшую страну.

Только радость улетит мгновенно
На широких крыльях лебедей,—
Что я видел, мальчик лет военных,
Поднимавшийся на лебедь?

Что я видел, отлучен от песен,
Если, пеплом мучая следы,
Беспросветно горизонт завесил
Оккупации свинцовый дым?

Но земли несомненная сила
Шла в меня с росой и травой,
Чтобы ты, малышка, получила
Сказки, не полученные мной.

...День встает, высокий, синеглазый,
Золотое выкатив литье,
И качает на ладонях сказок
Детство удивленное твоё.

Север, Север!.. «Непостижимо, что гонит в эти дикие, необжитые края человека? Неужели трудности? Неужели желание провентурить в этих трудностях себя?» — размышляет Вася Плотников, один из героев книги Владимира Еременко «За синими ночами».

И если юным друзьям Васи, приехавшим на строительство северного газопровода, все ясно: «Одни работают здесь из-за денег, другие по службе рвут, третьи, чтобы пенсию большую получить...» — то других персонажей повести такое объяснение удовлетворить не может.

Почему, к примеру, «дремучий» Арсентий, который заявляет: «Тот, кто живет не для себя, а для других,— или дурак, или притворяется», — почему он в критических ситуациях неизменно забывает свой принцип и бросается на выручку пострадавшим?

Владимир Еременко. За синими ночами. М., «Молодая гвардия». 1976, 176 стр.

Зеленые ветры

* * *

Не новогодний день из сказки —
Красиво сложенной игры,—
Я вижу детские салазки
Военной памятной поры.

Они по росту были,
 будто
Для нужд придуманы моих:
Я в сшитых бабушкою бурках
Зимой дрова возил на них.

И становился раз от разу
Сильнее в семь неполных лет...
И вот однажды след салазок
Машинный перерезал след.

Он уходил на запад с боем
И так в снегу отчетлив был,
Как будто ветки за собою
Смоленских елочек стелил.

Он озарялся щедрым светом —
Уже весна была в пути.
И так хотелось этих веток
В подарок маме принести.

* * *

При свете звезд,
При лунном свете,
Среди других ночных светил
Одну звезду я приметил
И обожжен звездою был.

От дальнего ее накала,
Мерцая в ночь, светилась мгла...
Она на дне реки лежала,
С водой по камешкам текла.

И в опрокинутом и пенном
Ее сиянье неземном
Мне виделось лицо Вселенной —
Покинутый звездою дом.

В течение зыбься и мерцая,
Она навстречу мне неслась...

Не с ней, а с космосом живая
Мной обнаруживалась связь.

Как будто я, звезде неведом,
Обнявший разом синеву,
Рекой созвездья Андромеды,
Свет излучающей, плыву...

* * *

Синий день уходит за леса,
И холстины белого тумана
Расстилает вечер на полянах,
И висит сережками роса.

Мир тебе, июль моих полей,
С небесами низкими над ними,
Где всю жизнь одно лепечет имя
До самозабвения ручей.

Веет грустью и теплом дорог,
Эта тишь сотворена до бога...
«Родина!» — словно воды глоток
Ключевой, глубинной — до ожога.

Чище слова не было и нет,
С ним живу и с ним глаза закрою,—
Только б этот не кончался свет,
Вечный свет, исполненный покоя...

* * *

К рассвету небо так промыто,
Так обнажилось синевой,
Что я перед окном раскрытым
Почувствовал: живу весной.

Был этот миг, как все, недолог,
Зато таким красивым был,
Что он и впрямь — декабрьский холод —
Передо мною отступил.

И не знобящий дух мороза,
Что пробирает до костей,—
Дошел до сердца вздох березы
И запах трав и тополей.

Лежал во мгле напротив домик,
Как все соседние дома,
Но вот заскреб лопатой дворник,
Как будто выкрикнул: «Зима!»

ПАМЯТИ ОТЦА

Осенняя пронзительность полей,
Открытая кругом ветрам и взору,
Дышал бы и дышал твоим простором,
Да на душе не станет веселей.

Все лучшее хочу теперь сберечь,
К забытым звукам сердце припадает,—
Ведь тот, который слышал эту речь,
Ее слова уже не понимает.

...Наряды незакрытые лежат
На столике. Забыты сигареты.
Как будто он ушел давать наряд
В разгар страды. И задержался где-то...

* * *

Душа, наполненная звонами...
Как в дни далекие, опять
Лесными ветрами зелеными
Легко и празднично дышать.

Иду, веселый, без попутчика,
И на пригорке, у реки,
Мне дарит лес малину лучшую
И бережет боровики.

И за отрезкою Сезеновской,
Непроходимой от болот,
Меня, как мальчика, он до ночи
Тропой лосиною ведет.

Веди, петляй, тропа лосиная,
Где руки лешего — кусты.
Глазами круглыми совиными
Мне, как фонариком, свети.

Чтоб вновь ко мне пришла, как милость,
Простая мысль сама собой:
Здесь все, что было, сохранилось,
Как лунный свет над головой...

РОМАНТИКА СЕВЕРА

Почему изгнанный из отряда строителей Миша Грач («Неглубкий, но уж больно на права свои напирал... Еще ничего в жизни не сделал, а уже требует оплаты») отправляется не домой, в профессорскую квартиру, а к геологам, в еще более глухое и трудное место?

И, наконец, почему руководитель строительства Олег Иванович Лозневой, блестящий инженер и талантливый организатор, которого боготворят начальство и подчиненные, «не может соединить свою работу с личной жизнью»? Казалось бы, все у него есть: и природный ум, и суровая жизненная закалка, и внешнее обаяние, — и на тебе, от него уходит жена, уходит с двумя детьми. И именно потому, что он, забывшая семью, целиком отдает себя делу, Северу, краю, который и клянет почем свет, и без которого жить не может...

Так, ненавязчиво, через живые образы и рассказы о нелегких судьбах автор подводит читателя к пониманию другого, «вечного

вопроса» — о «географии» жизни человека, его месте в обществе и взаимоотношениях с ним. Причем готового ответа в книге нет, каждому предоставляется возможность поразмышлять самому.

И тут же — клубок проблем иного порядка.

Как осваивать Север? Столько лет в нашей прессе длится дискуссия на эту тему, а конца ей не видно. Еще бы, ведь речь идет о судьбе громадного края, разбухшего советским человеком, о сказочных сокровищах, которые, однако, достаются дорогой ценой. Предлагаются различные, диаметрально противоположные способы освоения. Одно из них отстаивает герой повести Лозневой: «Осваивать Север без городов — это... тактика сегодняшнего дня... А стратегия в том, чтобы надолго обживать Север, строить здесь современные города. И по-хозяйски распоряжаться богатствами приполярной Сибири...» Его друг Суханов делает ставку на технику: бурятся скважины, прокладываются

трубопроводы, и умные автоматы без участия человека качают себе нефть и газ... А тут еще проблемы совершенствования технологии, вопросы управления, разумного хозяйствования, дабы своим вмешательством не нанести непоправимого ущерба природе: суровый край, оказывается, крайне чувствителен к этому. И главное — «надо о людях заботиться, чтобы они по-человечески жили...». Именно к этому и призывает автор повести.

Видно, что В. Еременко знаком со своими героями и стоящими перед ними проблемами не понаслышке. Пишет он со знанием дела, не приукрашивая действительности, но и не «страшая» читателя. Книга написана живым современным языком, занимательно. Думается, ее с интересом и пользой для себя прочтут все, кто по примеру Васи Плотникова хочет «попробовать» предел своих возможностей и собирается в те суровые и прекрасные края.

Ив. ИСАЕВ

Известному русскому советскому писателю Алексею Кузьмичу Югову исполнилось в эти дни семьдесят пять лет. Автор романа-дилогии «Страшный суд (Шатровы)», удостоенного Государственной премии РСФСР имени М. Горького, А. К. Югов глубоко и живо интересуется проблемами русской истории и истории русского языка. Читатели тепло встретили его исторический роман-эпопею «Ратоборцы» и своеобразное исследование о языке «Думы о русском слове».

Мы публикуем отрывок из книги Алексея Югова «Так разговаривал Ленин», над которой писатель работает в настоящее время.

«А ВЫ ВСЕ-ТАКИ ОСТАВЬТЕ - КА»

Алексей ЮГОВ

О слове и о речестрое Ленина весьма и весьма знаменательно свидетельство Надежды Константиновны Крупской. И напрасно о нем столь редко вспоминают. Здесь в немногих словах дано основное, бесспорное — дан ключ:

«Он мог часами просиживать над разными словарями, в том числе над словарем Даля, о переиздании которого он особенно заботился последнее время. Язык Ильича богат, он употребляет много народных оборотов, выражений. Очень часто случается, что корректоры, не заметив, что это цитата из Ленина, около того или иного оборота или выражения на полях ставят вопросительные или восклицательные знаки, а то просто выправляют по-своему».

Самоуверенному желанию во имя «литературности» выправить по-своему обороты и выражения Ленина поддавался было однажды Н. С. Каржанский, один из большевистских делегатов Пятого (Лондонского) съезда Российской Социал-Демократической рабочей партии, человек в ту пору совсем еще молодой.

А Владимиру Ильичу во времена Пятого съезда РСДРП, где он возглавлял большевистское крыло и в невероятно тяжелой, подчас прямо-таки истязующей борьбе одержал блистательную победу, — ему тогда, в 1907 году, было тоже всего лишь тридцать семь лет.

Наикратчайшим образом коснемся общеизвестного.

Пятому съезду РСДРП, и за рубежом гонимому, стать Лондонским пришлось поневоле: и шведское и датское — оба королевские правительства отказали съезду даже и на несколько дней в самой скромной рабочей площадке. Возможно, из-за страха перед русским правительством, а датское, надо полагать, еще и в силу кровных родственных связей: мать Николая II была ведь урожденная датская принцесса...

В конце концов многострадальный и многосудный — свыше трехсот делегатов — съезд-скиталец вынужден был отплыть в Англию и в лондонской убогой церквушке «реформистов» открыл наконец свои острейшие, исторического порядка дебаты.

Да! И этой-то вот крохотной рабочей площадке, этому «пятачку» суждено было стать ареною всемирно-исторической битвы Ленина и его «старой гвардии» с меньшевиками!

Меньшевики Лондонского съезда, попирая

марксистское учение о классовой борьбе, требовали — яростно, оголтело, — чтобы РСДРП постановила, что пролетариату России ныне совершенно необходимо приспособлять свою борьбу к политике либеральных буржуазных партий, вплоть до кадетов. Двигателем в буржуазно-демократической революции пусть, мол, остается либеральная буржуазия. Пролетариат ни в коем случае не должен стремиться к завоеванию власти. И ни под каким видом крестьяне не должны трогать помещичьи земли!

Беспощажен был отпор Ленина! Нет, провозглашали большевики, пролетариат должен быть вождем и двигателем и буржуазно-демократической революции. Он стремится довести ее до конца. Мы за полный разгром помещичьего землевладения и крепостнической монархии!

Временами бушевание противоборствующих течений грозило сорвать съезд. На иных заседаниях меньшевики учиняли исполненный ненависти шум и вой во время выступлений Владимира Ильича. Он приводил их в чувство ледяной репликой:

— Успокойтесь, товарищи, вам все равно меня не перекричат!

На Лондонском съезде Ленину пришлось выступить неоднократно. И вот однажды «товарищу Богдану» (партийная кличка Каржанского) большевистская фракция съезда поручила застенографировать речи Ленина.

Владимир Ильич довольно благосклонно отнесся к такой затее, хотя применительно к своим речам не очень-то доверял возможностям «Тимоновых писем», как в Древнем Риме именовали скоропись.

Однако так или иначе, а дело пошло. Правда, иной раз «Тимоновы письма» давали осечку (стенограф-делегат лишь с трудом успевал записывать около ста слов в минуту), а иногда при расшифровке записи у него возникали забавнейшие искажения сказанных слов, над чем Владимир Ильич отечески подшучивал и хохотал. Но не в том речь!

Как-то, упомянув о первой, так называемой булыгинской, «государственной Думе», Ленин сказал о ней: «худое учреждение». Тут-то и заговорил в молодом стенографе блюститель «литературности»! Он уверенно заявил, что так сказать нельзя, можно, дескать, выразиться: «плохое учреждение», «никчемное», «никудашное» и так далее, но «худое учреждение» — это «нелитературно»!

— И повернулся же мой язык! — с чувством горестной укоризны самому себе вспоминал уже на исходе лет старый большевик.

А что же Ленин?

«Владимир Ильич выслушал меня спокойно и проговорил как-то неопределенно:

— Да, пожалуй, — а потом улыбнулся и прибавил мягко, но настойчиво:

— А вы все-таки оставьте-ка «худое учреждение».

ОН ВЕРИЛ

Ушел из жизни Кришан Чандар — замечательный индийский писатель-гуманист, большой друг советского народа. Прекрасен и разнообразен художественный мир Кришана Чандара, богата и многокрасочна его палитра. Проникновенный лиризм, возвышенная поэтичность и романтика органически сочетаются у него с острым критическим взглядом, глубоким проникновением в самую сущность социальных конфликтов, обличительной сатирой.

Пафос всей жизни, всего творчества Кришана Чандара состоял в утверждении прав человека на счастье и лучшую жизнь, в стремлении обнаружить прекрасное в человеке, в человеческих отношениях, пробудить жажду и деятельность. Ведущей темой всего его творчества была тема пробуждения человека, освобождения его от социальных, религиозных, кастовых предрассудков, формирования нового, передового сознания.

Главное для Кришана Чандара заключалось в том, чтобы показать, как рождается в Индии новый человек, недовольный угловатой ему участью, осознающий свое достоинство, мужавший духовно, закаляющийся в борьбе. Мечта о будущем, уверенность в том, что простые люди Индии, живущие в темноте и невежестве, найдут свое место в жизни, пронизывают все его творчество.

Герои Кришана Чандара не только мечтают о совершенном мире — сильные, гордые, независимые, с возвышенными чувствами и благородными порывами, они идут на любые жертвы, отдают жизнь в борьбе за свободу, правду и справедливость.

Вершиной творчества Кришана Чандара является повесть «Когда пробудились поля» о становлении героя — революционного борца. Много пережил и передал герой повести Рагху Рао, сын долгового раба, прежде чем стать руководителем крестьянского восстания. Серьезной жизненной школой для него явилась работа на фабрике, знакомство с социалистическими идеями. «Если раньше он не мог найти точки опоры, то сейчас почувствовал, что крепко стоит на ногах». Повесть кончается гибелью героя на эшафоте. Однако, несмотря на трагическую развязку, это произведение, как и все творчество Кришана Чандара, звучит оптимистически. Смерть вожака восстания вызывает гнев у его товарищей по борьбе, непоколебимую уверенность

АЛЬМАНАХ
МОЛОДЫХ

ТВЕРСКОЙ
БУЛЬВАР • 25

В БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА

ность в победе. Гневный протест против социальной несправедливости и эксплуатации звучит во всем творчестве К. Чандар, наполняет его остро социальным, оптимистическим содержанием.

Кришан Чандар хорошо понимал, в чем истинная причина горя и страданий миллионов бедняков и обездоленных. «Капитализм сделал жизнь людей горькой, сердца их подлыми, а души грязными и все же не смог уничтожить в людях любовь к прекрасному», — говорит К. Чандар в рассказе «Веранда». Устами одного из своих героев писатель утверждает: «Пока мы не сможем заложить основ социалистического общества, человек не сможет по-настоящему бороться против голода, болезни и невежества». К. Чандар писал: «Идеи социализма оказали на меня большое влияние, стали основой моей веры в лучшую жизнь».

Индийские и советские исследователи творчества Кришана Чандар не без оснований говорят о влиянии на него М. Горького. В Индии иногда даже называют Кришана Чандар «индийским Горьким». Выдающийся индийский писатель сам считал себя учеником и последователем великого пролетарского писателя. Он говорил: «Мы помним пламенное слово Горького... Мы будем сражаться против богов империализма, мы откажемся склонять головы перед этими богами. На знамени новой литературы горит сердце Горького».

В своем творчестве К. Чандар поднимал не только проблемы, волнующие его соотечественников, но и людей во всех концах земного шара. Огромный международный резонанс вызвало в свое время его остропублицистическое произведение «Новые рабы» с подзаголовком

«Письмо первому американскому солдату, убитому в Корее», оно написано по свежим следам американской агрессии в этой стране.

Кришан Чандар внес большой вклад в консолидацию прогрессивных индийских писателей, в движение за мир, за солидарность с народами, борющимися за свою свободу и независимость, в зарождение и развитие движения писателей стран Азии и Африки.

Кришан Чандар был большим, искренним другом советского народа. Он много раз бывал в нашей стране, у него было множество друзей среди советских литераторов, которые очень любили этого замечательного писателя и человека, с глубоким уважением относились к его огромному таланту. Он хорошо знал и любил русскую классику, современную советскую литературу, всячески стремился популяризировать ее в Индии. Он писал: «На младшее поколение наших писателей огромное влияние оказал высокий гуманизм советской литературы, ее зажигательный революционный стиль и принципиальный подход к жизни и ее проблемам».

За значительный вклад в укрепление советско-индийских культурных связей, дружбы и сотрудничества между нашими странами он был удостоен премии имени Дж. Неру.

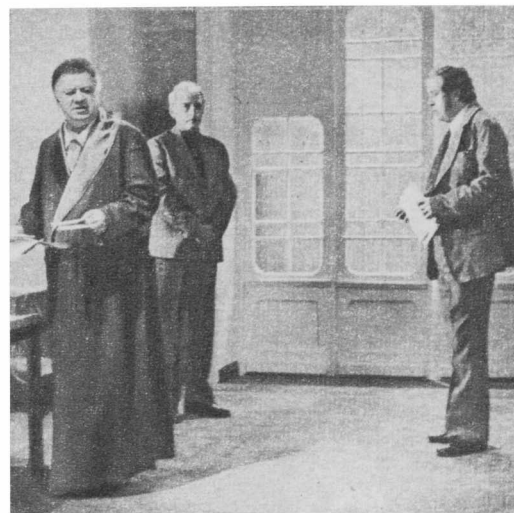
Кришан Чандар оставил большое наследие. Его перу принадлежит более 80 книг — романов, повестей, сборников рассказов, пьес, литературно-критических и публицистических работ. Лучшие его произведения переведены на русский язык и другие языки народов Советского Союза. Он является у нас одним из самых популярных индийских писателей. В Советском Союзе было издано 45 книг Кришана Чандар тиражом около двух миллионов экземпляров.

Кришан Чандар ушел из жизни в расцвете творческих сил. Несколько лет тому назад во время своего визита в Москву он говорил о своих творческих планах, о том, что хочет писать о борьбе индийского народа за новую жизнь. «Положительный герой рождается сегодня в нашей деревне, среди борющихся за свои права безземельных крестьян, которые гнут спину на полях богатей... Мы должны изучать эту борьбу и в наших романах, рассказах, стихах создавать образы героев-борцов. В этом наша главная задача... Я хочу поехать в деревню... хочу своими глазами наблюдать эти процессы и отражать их в своих произведениях».

Многочисленные друзья Кришана Чандар, все почитатели его таланта в нашей стране выражают самое глубокое соболезнование в связи с его кончиной. Лучшей памятью о нем будут дальнейшее изучение и популяризация его творчества в нашей стране.

Е. ЧЕЛЫШЕВ,

профессор, вице-президент
Общества советско-индийской дружбы,
член СП СССР

Ночной визит к прокурору Бергу (Павел Панов) профессора Владимирова (Всеволод Сафонов) и журналиста Кроне (Эйнари Коппель).

КИНО

ПРИГЛАШЕНИЕ

К

РАЗДУМЬЮ

Владимир КРЕПС,
лауреат Государственной премии СССР

Новый четырехсерийный фильм писателя Юлиана Семенова и режиссера Анатолия Бобровского «Жизнь и смерть Фердинанда Люса» вряд ли следует «приписывать» к разряду чисто приключенческих картин. Это бы означало просто непонимание смелой экспериментальной работы.

Фильм далек от привычных шаблонов. Он — словно вызов канонам жанра. Глубокое психологическое решение характеров позволяет зрителям по-новому взглянуть на борец страстей в нашем мире, принять прокурорское расследование как приглашение к серьезному раздумью о жгучих проблемах современности.

Авторы ничего не упрощают и в то же время не усложняют. Два концерта, два главаря военно-промышленных комплексов — Дорнброк в Западной Берлине и Лим в Гонконге — заключили соглашение о совместной разработке ядерного оружия. Человек, задумавший совершить это соглашение, найден мертвым в квартире своего друга, режиссера Люса. Прокурор Западного Берлина Берг начинает расследовать сенсационное убийство...

Творческая особенность Юлиана Семенова заключается в том, что он ни в одном из своих романов и фильмов не «прятал» тайну: не вел по ложному следу, а сразу же приглашал к соразмышлению; Анатолий Бобровский в своих лучших работах всегда точно следовал канонам приключенческого жанра.

В новой картине писатель и режиссер создали политический детектив, крайне острый по своей социальной напряженности. Нас перебрасывают из сегодняшнего дня в прошлое, привлекая кадры кинохроники, а характеры героев нынешних окрашивают точностью классовой принадлежности.

Успех фильма определен и актерским составом картины.

Роль Фердинанда Люса для Д. Баниониса — во многом новая. Артиста видишь «разным». Буквально в каждой мизансцене он разный: то живой и увлеченный, напористый либо мрачный, подавленный... Он готов принять смерть, но не может отступить, поскольку является честным художником-антифашистом.

Работа Павла Панкова, сыгравшего роль прокурора Берга, думается, сделает этого актера столь же известным, как, скажем, Броневого в роли Мюллера. Тут снова кино открывает актерский талант. А роль трудная; Берг, арестованный Люса по обвинению в убийстве, становится его другом, помогает ему до конца понять место в с х в а т к е.

Вообще в том, как написаны, поставлены и сыграны роли Берга, Люса, Ганса (Ю. Будрай-тис), заключена еще одна особенность фильма: нам показывают положительных героев там, где их раньше не искали. Юлиан Семенов и Анатолий Бобровский сильны в своей позиции: каждый, кто выступает против новой войны, против ядерной угрозы, несет в себе заряд положительного, выступает за мир, за будущее нашей планеты, за жизнь поколений.

Особенно хочу отметить работу оператора Н. Олоновского. Он работает уверенно, смело, сталкивая крупные и общие планы; он не любит «натурой», а всегда вместе с авторами в их размышлении о настоящем и будущем.

Каждый раз, когда готовится к выпуску студенческий альманах Литературного института имени А. М. Горького СП СССР «Тверской бульвар, 25», студенты и преподаватели с нетерпением ожидают его появления. И нетерпение это легко объяснимо: хочется увидеть, прочитать, проанализировать новые произведения своих товарищей, учеников, выявить их сильные и слабые стороны. Многие воспитанники Литературного института впервые опубликовали стихи, рассказы, статьи на страницах этого уникального в своем роде издания.

Почти сорок лет назад, в 1937 году, вышел первый номер альманаха. В предисловии к тонкой книжечке тиражом всего в 100 экземпляров было сказано: «Организация творческого объединения и Института повышает значение альманаха, который должен помочь выявлению творческих кадров». И действительно, как показал опыт, такой альманах был необходим ищущей, любознательной и талантливой молодежи Литературного института.

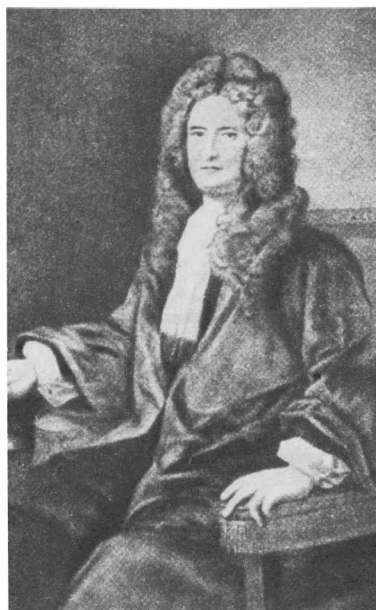
Листая номера сборника, встречаешь имена писателей, поэтов, критиков, драматургов и переводчиков, которые дав-

но и прочно завоевали ведущие места в советской литературе: ведь через Литературный институт прошла основная масса литераторов — членов Союза советских писателей. И альманах «Тверской бульвар, 25» явился их первой ступенькой перед выходом в большое творческое плавание.

Сейчас, в связи с повышением внимания к воспитанию молодых литераторов, должна стать значительнее и роль альманаха. Он уже во многом не удовлетворяет старым требованиям. Литературный институт имеет свои окрепшие традиции, кроме того, он единственное учебное заведение в стране, занимающееся подготовкой литературных кадров. И его студентам, разумеется, нужен широкий выход в читательскую аудиторию. Необходимо, чтобы «Тверской бульвар, 25» печатался не на правах рукописи, а на правах обычного платного издания, большим тиражом, периодичностью два раза в год (по семестрам) и имел авторский гонорар. Орган литературной смены студенческий альманах «Тверской бульвар, 25» вполне заслуживает этих перемен.

Николай НИКИШИН

«ВИДЕЛ ДАЛЬШЕ ДРУГИХ...»

250 лет назад, 31 марта 1727 года, умер Исаак Ньютон, один из величайших гениев естествознания.

Ньютон родился 4 января 1643 года в деревне Вулсторп. Своего отца, бедного фермера, человека «диного, чудного и слабого», Исаак никогда не видел: тот умер не-

задолго до рождения сына. Роды произошли преждевременно, и ребенок был хилым. Не надеялись, что он выживет. Вопреки предзнаменованиям Ньютон прожил почти 85 лет, отличаясь хорошим здоровьем.

Жизнь Ньютона протекала спокойно и однообразно. Женат он не был. Никогда не выезжал за пределы Англии. Родная деревня, соседний городок Грэнэм, Кембридж и Лондон — вот четыре места, в которых он когда-либо бывал.

Тридцать пять лет он прожил в Кембридже, сначала будучи студентом, затем профессором колледжа. В пятьдесят три года переехал в Лондон и здесь в течение тридцати лет был руководителем Монетного двора.

Конец жизни Ньютона отмечен славой и признанием. В Лондонском королевском обществе, неизменным президентом которого Ньютон был последнюю треть жизни, он пользовался непререкаемым авторитетом; его ученики сражались за его идеи, за победу ньютоновской физики во всем мире.

Память Ньютона англичане почтили в самых восторженных выражениях. На его памятнике в Вестминстерском аббатстве — пантеоне великих людей Англии — высечены слова: «Пусть смертные радуются, что существовало такое украшение человеческого рода».

О научной ценности работ великого английского ученого редакция попросила рассказать нашим читателям первого вице-президента Международного союза истории наук, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора физико-математических наук профессора Ашота Тиграновича ГРИГОРЬЯНА.

Великие открытия Ньютона были подготовлены плодотворной деятельностью таких корифеев науки, как Коперник и Галилей. «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов» — это высказывание самого Ньютона.

Основной труд Ньютона — «Математические начала натуральной философии», вышедший первым изданием в 1687 году (и затем еще два раза при жизни автора), принадлежит к числу произведений, которые стали вехами не только истории науки в целом, но и истории всего духовного развития человеческого общества.

Ньютон построил первую научную картину мира.

Ньютоновская механика и основные принципы, на которых она основывается, оказались столь безупречными, что на протяжении двух столетий, до конца XIX века, они служили программой всех исследований в области точного естествознания. Современная аналитическая механика с ее мощными методами исследования, созданная на протяжении XVIII—XX веков, полностью базируется на законах Ньютона. Небесная механика, опирающаяся в значительной степени на ньютоновский закон всемирного тяготения, в настоящее время владеет средствами,

позволяющими определить движение тел солнечной системы во всех подробностях, построить основы звездной астрономии, космической механики и техники, гравиметрии, космогонии, теории равновесия вращающихся жидких масс.

Ньютон был для Англии тем же, кем был для Польши Коперник, для Италии Галилей, для Германии Лейбниц, для Франции Декарт, для России Ломоносов.

В начале XX века было установлено, что механика Ньютона удовлетворительно объясняет механические процессы лишь при движении макротел со скоростями, значительно меньшими скорости света. Однако «до сих пор не удалось», — писал Эйнштейн, — заменить единую концепцию мира Ньютона другой, столь же всеобъемлющей единой концепцией и... мышление современных физиков в значительной мере обусловлено основополагающими концепциями Ньютона». Ньютоновская механика в пределах своей применимости продолжает оставаться основой научных изысканий в области физики и ее многочисленных приложений к технике. При этом область задач механики все время расширяется. Объем информации, содержащейся в ньютоновской механике, возрастает.

Ирина РАДУНСКАЯ

ОШИБКА НЬЮТОНА

«...ошибки... могут таить в себе важные открытия».

Блэккет

В 1671 году еще никому не известный за пределами своего колледжа преподаватель математики Ньютон собственными руками построил маленький зеркальный телескоп, позволявший видеть небесные тела лучше, чем самые крупные телескопы со стеклянными линзами. Зеркальце вместо увеличительного стекла приблизило к людям мир звезд.

Вест о новом телескопе вскоре вышла за пределы Кембриджа и достигла Лондона. Поэтому Ньютон, не стремившийся к славе, но побоявшись нарушить королевский декрет от 18 октября 1662 года, в силу которого всякое изобретение в области физики и механики должно быть испытано Королевским научным обществом, отправил прибор в столицу.

Члены Королевского общества (по нашей терминологии — Академии наук) и вместе с ними король осматривали и испытывали телескоп. Он работал лучше тех, которыми пользовались королевские астрономы, хотя линзы в этих телескопах были много больше, чем пятисантиметровое зеркало, изготовленное Ньютоном.

Всегообщее восхищение привело к тому, что 11 января 1672 года Ньютон был избран членом Королевского общества. Не будет преувеличением сказать, что начало нынешней славы Общества положило именно решение о принятии в него Ньютона.

Так Ньютон стал академиком, когда ему еще не исполнилось тридцати лет...

Линзовыми телескопами, в которых «главным действующим лицом» были знакомые всем увеличительные стекла в форме чечевицы, Ньютон интересовался еще в студенческие годы — в конспектах и тетрадках найдены заметки, относящиеся к полировке линз, к закону преломления световых лучей. Он знал, что даже великий Декарт, идейный учитель и кумир тогдашней молодежи, занят проблемой улучшения работы телескопов и предлагает для этой цели придавать поверхности линз не сферическую, а более сложную форму.

Но ни сам Декарт, ни лучшие мастера-оптики не могли изготовить такие линзы. Ньютон дает себе слово добиться успеха. Он изучает геометрию и алгебру и, думая, что решение задачи кроется в расчете сложных поверхностей линз, изобретает точнейшие математические методы для этих расчетов, применяет их с виртуозным искусством и изготавливает удивительные по форме увеличительные стекла. Но... на каком-то этапе работа застопорилась, и не по вине математики или из-за недостатка терпения. Наступил предел возможности увеличивать изображения далеких объектов. Мешали искажения — цветные радужные полосы.

...В Англии — тяжелые времена. Свирепствует чума. Ньютон покидает Кембридж и едет на родину — в деревню Вулсторп. Здесь он живет около двух лет — от августа

1665 года до марта 1667 года. И это оказались удивительные для науки годы. Здесь, в сельской тиши, молодой бакалавр достиг творческого подъема, не повторявшегося ни у него, ни у других за последующие триста лет. Именно здесь — тогда Ньютону шел двадцать третий год — он создал математический анализ бесконечно малых (по теперешней терминологии дифференциальное исчисление) и, применив его к физическим задачам, положил начало современной математической физике. Здесь он глубоко продумал проблему всемирного тяготения. Здесь он своими руками и на свои скудные средства создает оптическую лабораторию и проводит удивительные оптические исследования. Под впечатлением теории радуги, построенной Декартом на основе остроумных и точных методов, Ньютон начал знаменитые опыты с целью установить природу света. Именно здесь, в комнате материнского дома, Ньютон произвел свой легендарный опыт разложения солнечного света. Он поставил на пути солнечного луча стеклянную призму, и белый луч, пройдя через грани этого препятствия, рассыпался на семь цветных лучиков. Ньютон увидел на стене своей комнаты семь цветных полосок — искусственную радугу — красную, оранжевую, желтую, зеленую, голубую, синюю, фиолетовую. (Чтобы запомнить последовательность цветов солнечного спектра, надо заучить шуточную фразу: Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан.)

Как могло случиться, что столько людей изучали свет, видели многоцветье радуги и радужных

полос, образуемых призмами, видели, но не поняли, что все эти цвета содержатся в белом свете?

Ньютон увидел и победил. Это было его великим прозрением.

Завершив эти изумительные опыты, он продолжает поиски в области оптики: наблюдает отражение и преломление лучей на границах разных сред. Все эти работы он проводит, используя призмы и линзы, без которых еще не обходился ни один оптик. Он сам шил и собирал их в сложные конструкции. Он пользуется не только призмами из стекла, но и наполненными водой. Все опыты без исключения убеждают его: процесс разложения белого света не зависит от состава призм, только от формы. Это не так, но ученый, готовя водяные линзы, добавлял к дождевой воде свиный сахар. Эта добавка делала воду еще более прозрачной, чем дождевая вода. Однако Ньютон не учел, что добавка свинца увеличивает плотность воды и эта вода по оптическим свойствам станет близкой к его стеклу. «Значит, надо отказаться от использования в телескопах любых линз и искать радикально другое решение», — подумал ученый. Он пришел к мысли применить в телескопах зеркало и создал свой зеркальный телескоп. Так ошибка привела к открытию, а самого Ньютона — к славе.

Его зеркальный прибор-малютка был предком всех крупнейших современных телескопов, включая гигант с пятиметровым зеркалом на горе Маунт-Паломар и непревзойденный шестиметровый рефлектор советской Зеленчукской обсерватории.

В. Хабаров. Род. 1944. АНТИКВАР. 1976.

В. Бахчеван. Род. 1948. МОЛОДЫЕ АКТЕРЫ ТЕАТРА. 1975.

ЧЕХОВСКИЙ ТАГАНРОГ

страницы
минувшего

А. СЕДОЙ (Александр ЧЕХОВ)

По поручению редакции Краткой литературной энциклопедии я занимался сбором материалов о жизни и творчестве журналиста и литератора Александра Павловича Чехова, старшего брата великого писателя (литературный псевдоним А. Седой). Он окончил Таганрогскую гимназию и физико-математический факультет Московского университета. Служил в таможенном ведомстве, но неудачно. С помощью Антона Павловича устроился в редакцию суворинской газеты «Новое время», где и проработал в качестве репортера до конца жизни.

Беллетристические произведения Александра Чехова недолго занимали внимание читателей: большинство из них не более как легкое, развлекательное чтение. Другое дело его воспоминания об Антоне Павловиче. Будучи на пять лет старше писателя и прожив в семье отца до 1874 года, он сохранил в своей памяти множество фактов из жизни брата, а также картины быта тогдашнего захолустного Таганрога, такие, которые не могли быть описаны более молодыми членами чеховской семьи.

Просматривая подшивки старых газет, я обнаружил в «Таганрогском вестнике» (за ноябрь 1912 года) серию статей Александра Павловича Чехова под общим названием «50 лет спустя (заметки случайного туриста)». Оказывается, в 1912 году, за несколько месяцев до смерти, он приезжал в Таганрог, обошел все места, связанные с жизнью и творчеством Антона Павловича, и, так сказать, ретроспективно их описал. Следует отметить, что автор не повторил в этих статьях ни одного случая или описания из своих ранее вышедших воспоминаний. Здесь и ранее неизвестные факты и ряд прямых указаний на приметы таганрогской действительности, нашедшие отражение в произведениях Антона Павловича. В нашу публикацию включены отрывки из этих воспоминаний Александра Павловича Чехова.

После революции ценные воспоминания старшего брата великого писателя ни разу полностью не издавались. Давно назрела потребность в отдельном издании, с включением наиболее интересного из эпистолярного наследия Антона и Александра Чеховых.

И. СЕЛЬВАНЮК, литературовед

камень булыжник для будущей мостовой. Прочие улицы совсем не знали ни мостовых, ни тротуаров. Во время распутицы обыватели ходили не иначе как в огромных сапогах или же в глубочайших калошах. Площадь на Старом базаре весной и осенью делалась непроходимой, и хозяйки, ходившие за провизией во время привоза, утопали в грязи. Это было тем более неприятно, что почти вся торговля сосредоточивалась на одном только Старом базаре, а Новый был пуст и в центре его в виде потемневших от времени руин стояла недостроенная Митрофаниевская церковь.

Почта отличалась большими неудобствами. Для подачи или получения письма приходилось переходить из комнаты в комнату, подавать корреспонденцию в узенькие окошечки. Впоследствии почтмейстер г. Муженко соорудил сбоку здания пристройку, предназначенную для публики. Удобств получилось больше. Контора была открыта не каждый день, потому что почта приходила раз в два дня, а бывали случаи, что и реже. Происходило это в распутицу, и тогда обыватели, горестно качая головами, говорили:

— Грязюка-то какая! Даже почта не могла проехать дальше Самбека и вернулась назад...

Письмо от Таганрога до Петербурга шло целых три недели.

С постройкой Николаевской железной дороги между Петербургом и Москвой срок этот сократился на неделю, и таганрожцы ликovali:

— Какая благодать настала: газеты из Петербурга приходят только через две недели. Теперь мы получаем уже самые свежие различные новости.

Когда родился Антон Чехов, в Таганроге уже поговаривали о железной дороге. О ней хлопотал и даже, кажется, ездил нарочно в Петербург писатель Нестор Васильевич Кукольник.

На Большой улице стоит угловой каменный дом Кукольника. Впоследствии, с открытием гласного судопроизводства, в нем временно помещался Окружной суд.

На Большой улице за зданием старой почты был в своем роде исторический, но теперь уже, к сожалению, не существующий длинный белый одноэтажный дом, в котором жила Ульяна Андреевна Мартос — вдова известного скульптора Мартоса. Он создал памятник императору Александру I, стоящий перед мо-

настырем. Ульяна Андреевна была в свое время придворной дамой при императрице Елизавете Алексеевне. И после ее смерти не снимала траура и ходила неизменно в черных платьях до самого конца дней своих. Вся ее квартира была уставлена живыми растениями в горшках.

Гимназистик Чехов бывал по поручению своего отца не раз в доме Ульяны Андреевны — тогда уже древней и беззубой старушки — и возвращался от нее всякий раз с зубной болью, потому, что она закармливала его вареньем.

На этой же улице и поныне стоит дом Василия Николаевича Третьякова, бывшего одно время церковным старостой в соборе и торговавшего в рядах против собора, рядом с лавкой Перушкина, а затем Глобина. Третьяков строил этот дом по заранее обдуманному плану: внизу помещались магазины, а наверху «Казино», а затем гостиница «Лондон». В одном из этих магазинов одно время торговал отец писателя Павел Егорович Чехов. Во дворе была его квартира в верхнем этаже. Там жил маленьким мальчиком Антон Павлович, учившийся в те времена в греческой школе. (...).

На днях я был в этой школе (...). Преподавание велось там исключительно на греческом языке, и русский язык был предметом случайным и совсем не обязательным. Сколько на мою душу нахлынуло воспоминаний! Каким мизерным показался мне класс, производивший во времена детства впечатление огромной комнаты! В этой небольшой комнате собиралось во времена оные до семидесяти учеников всевозможных возрастов, начиная с младенцев и кончая малыми лет до 17—20. Все это были дети греков — шкиперов, матросов, маклеров и мелких торговцев. И на всю эту ораву в 70 человек был всего только один учитель нефалонский грек Николай Спиридонович Вычина, или Вуцинас. Не мудрено, что успехи учеников были незавидны, а нравы — грубы (...).

Оглядывая классную комнату, я прекрасно узнал памятные места: здесь, на этом пункте, меня ставили на колени; тут учитель отпалывал меня за уши и за чуб; в этом углу он драл жестоко веревкой чуть не до полусмерти Николая Пиратиса, уличенного в краже рожков на бирже, а здесь на самом середине ставился стул, игравший роль позорного столба. На этом стуле целые сутки напролет простоял один из великовозрастных учеников по подобию в том, что будто бы он начертал на стене мелом неприятную для учителя надпись. Многие припомнилось мне из далекого прошлого — и мне стало грустно. В этих стенах погублено четыре года, в течение которых учитель десятки раз подходил ко мне для того, чтобы драть меня за вихры или отхлопать линейкой по ладони, но всего два или три раза подошел, чтобы спросить или задать урок.

Антоша Чехов два года проучился в этой школе и не научился даже читать по-гречески сколько-нибудь сносно. А между тем каждую весну устраивались торжественные экзамены с почетными гостями; учеников вызывали, и они кое-как отвечали. Почетные гости оставались довольны и учителем и учениками. Раздавались даже награды книгами. Как же объяснить такое противоречие? Весьма просто. Жизнерадостность, молодость и инстинктивная потребность ребенка заниматься хоть чем-нибудь заставляли греческих мальчуганов заглядывать в азбуку хоть изредка, чтобы не умереть в классе от скуки, а почетные гости — судьи сами едва умели нацарапать свое имя пером на шкиперском документе (...).

III

После долгих лет скитаний по белу свету судьба забросила меня снова в Таганрог, в котором я провел свое детство и кончил гимназию. Естественно, что я заинтересовался в тот свой приезд всем тем, что было современно покойному писателю и что хоть сколько-нибудь напоминало бы его детство (...).

Во время детства Чехова в городе прежде всего не было мостовых. В настоящее время считаются исключением те улицы, которые не замощены, тогда же считался большою редкостью единственный замощенный участок на Старом базаре, против здания тогдашней почты. Слова «почтовая контора» тогда не употреблялись, а была просто «почта». Мостовую против этого казенного здания начали мостить четырехугольными черными плитами, но на первое время результаты выходили очень неудачными. Вероятно, по недостатку технических знаний среди членов тогдашнего «мостового комитета» отдельные плиты выступали из своих ячеек и плясали под колесами экипажей. Мостовой комитет очень часто приступал к починке, но без особенного успеха: рядом с уложенными на свое место плитами начинали вылезать соседние, и иной раз дело доходило до того, что седок в страхе кричал извозчику:

— Куда ты едешь? Не видишь разве, что там мостовая?

На остальном протяжении Большой (ныне улица имени В. И. Ленина¹) улицы только еще начинали возить песок и укладывать кубиками

¹ Современные названия улиц приведены публикатором.

Рядом с лавкой Павла Егоровича была парикмахерская Ивана Андреевича Злова, который был знаменит тем, что съездил в Париж, вывез оттуда целый склад керосиновых ламп и продавал их тут же, в парикмахерской. По вечерам он зажигал для приманки покупателей целый десяток этих ламп сразу и устраивал таким образом иллюминацию, на которую стекался смотреть чуть ли не весь город.

Верхний этаж дома Третьякова отделялся под казино довольно изящно и с некоторыми претензиями. Полы в залах расписывались малярами «под паркет» с изображениями человеческих фигур. Это было большой редкостью и привлекало множество любопытных, стекавшихся смотреть на эту работу. Забегал не раз на правах соседа и Антоша Чехов и потом рассказывал в школе о том, какие диковинки он видел. Когда дом был готов, то верхний этаж снял под казино какой-то француз мосье Трилле, кухня которого помещалась тут же во дворе, как раз под квартирой Павла Егоровича Чехова (...).

Не помню, когда это было: до казино или после казино, но только этот этаж сподобился иметь в своих стенах и высокопоставленного жильца. Когда в Таганрог градоначальником был назначен контр-адмирал И. А. Шестков, то по каким-то причинам город приготовил к его приезду роскошное помещение именно здесь.

Любопытные тоже стекались смотреть на «убранство». Сколько времени прожил здесь градоначальник, я теперь не помню, но бегавшие по двору дети П. Е. Чехова и И. А. Злова видели не раз у окна, выходящего во двор, мирно беседовавших градоначальника и его супругу и при этом старались вести себя преувеличенно хорошо и благовоспитанно, но однажды не выдержали: Гриша Злов чем-то обидел Антошу Чехова, и тот с отчаянным ревом побежал жаловаться своим родителям на обидчика.

Впоследствии в этом же этаже третьяковского дома помещалась гостиница «Лондон». По вечерам в ней играл дамский оркестр. Этот оркестр привлекал главным образом моряков — «капитанов» всевозможных наций. Было очень весело и шумно, но это веселье прусществовало недолго. Дамский оркестр был скоро упразднен.

Как раз против дверей лавки П. Е. Чехова, через улицу, в огромное окно глядели качающиеся часы Френца Файста — знаменитого часовщика на всю округу.

Он увековечил себя тем, что построил башенные часы на соборной колокольне. Это был виртуоз своего дела и единственный на весь юг России часовщик, имевший вполне оборудованную мастерскую. В те времена башенные часы можно было заказать только за границей или в Петербурге.

Антон Чехова, тогда еще мальчика, на качающихся часах Файста занимали больше всего маленькие циферблаты, показывающие время в разных пунктах мира, и он не раз задавал вопрос:

— Каким образом Файст, живя в Таганроге, может знать, который сейчас час в Константинополе?..

На Петровской же улице, на том месте, где теперь стоит большое здание гостиницы бывшей Руфа — ныне «Европейской», — тянулся длинный забор, ограничивающий пустое место, принадлежащее купцу Перушкину. Этот пустырь был излюбленным местом для заезжавших в Таганрог цирков, строивших свои арены «на живую нитку». Один из таких цирков на этом месте был очень памятен будущему писателю. Павел Егорович повел своих детей, в том числе и Антошу, на «блестящее представление», но дети не увидели спектакля, потому что у кассы в толпе у Павла Егоровича вытащили из кармана довольно большую, по его состоянию, сумму денег, и вся семья вернулась домой с опущенными носами и в самом унылом расположении духа (...).

На углу Ярмарочного переулка и Монастырской улицы (сейчас это угол улицы Свердлова и Гоголевского переулка) и теперь стоит угловой двухэтажный дом, принадлежавший купцу Моисееву, имевшему на новом базаре водочный склад. Теперь в этом доме помещается аптекарский магазин, а раньше находилась лавка П. Е. Чехова и под нею — винный по-

греб. В верхнем этаже жила семья Павла Егоровича. Будущий писатель был тогда гимназистом и очень часто, помогая отцу, торговал в лавке... Дом этот перестроен. В лавку вели три неуклюжие каменные ступени, которых теперь нет. Пол лавки понижен на целый аршин; дверь, которая вела из переулка в погреб, превращена в парадную дверь, и над входом в лавку построен балкон, которого раньше не было. Возведены новые службы. Если по Монастырской улице отсчитать по направлению к воротам два окна лавки, то следующие два окна будут обозначать ту комнату, в которой семья Чеховых обедала. Спал Антоша в комнате на втором этаже.

Семья Чеховых.

Стоят: Иван, Антон, Николай, Александр Чеховы и М. Е. Чехов (дядя писателя); сидят: Михаил, Мария Чеховы, П. Е. Чехов (отец писателя), Е. Я. Чехова (мать писателя), Л. П. Чехова (тетка писателя) и Георгий Чехов [двоюродный брат писателя]. Фотография 1874 года.

Противоположный дом принадлежал купцу Мионову, и в нем помещался кабак еврея Бориса Марковича, или Бориски. Здесь с утра до ночи ютились целыми толпами драгиля; они сквернословили и не давали прохода ни одной порядочной женщине. Отсюда их называли амбарщики и ссыпщики на всякого рода работы.

На другом углу был дом Егора Дмитриевича Привано, или, как его звали в просторечии, Чекана. Это был очень добродушный старичок грек. У него в верхнем этаже жил одно время учитель французского языка мужской гимназии Турнефор, о котором злые языки говорили, что будто бы у себя на родине он был простым парикмахером. Один год Антон Павлович учился у него французскому языку, но успехов, кажется, не делал (...).

Недалеко, по этой же Монастырской улице, стоит и теперь дом, принадлежавший покойному Ивану Ивановичу Лободе. В нем жила его сестра, одинокая старушка Марфа Ивановна Морозова. Покойному писателю она приходилась теткой, и он в детстве часто бегал сюда за лакомствами и затем всю свою жизнь относился к ней с глубочайшим уважением. Это была милая, добрая и гостеприимная божья старушка. Антон Павлович очень любил ее (...).

Памятным в душе будущего писателя осталась перестройка собора и переливка соборного колокола. Отливка явилась крупным событием, волновавшим весь город, и тянулася долго. Колокольный мастер, как говорили тогда, был приглашен для этого из Харькова,

и когда он прибыл, то на него показывали пальцами с особым любопытством (...).

Новый колокол долго оставался в земле, потом был извлечен и поставлен на солидные деревянные подставки. В неотделанном виде он был черен и некрасив. По мере того, как очистка колокола подходила к концу, рядом строили временную деревянную колокольню, под крышей которой потом поместился медный гигант. А для таганрожцев он был действительно гигант: в нем было веса 600 пудов без языка; да язык весил 25 пудов. Обыватели с гордостью утверждали, что такого огромного колокола нет ни в Ростове, ни в Мариуполе, ни в Новочеркасске.

И вот в один летний тихий вечер неожиданно для всех обывателей раздался мощный, басовые звуки нового колокола. Все повысипали на улицу и слушали новые звуки с таким же наслаждением, с каким меломаны слушают оперу или симфонию.

...Припоминал Антон Павлович и другой ночной звон в этот же колокол, но этот звон вызывал у обывателей уже не радость, а грусть, слезы и горячие молитвы. Дело было зимой. Над Таганрогом проносилась страшная вьюга. Сильный, пронизывающий ветер со снегом сваливал с ног. Все живое попряталось в тепло. Сквозь плотно закрытые ставни, преодолевая вой ветра, доносились по временам звуки соборного колокола. Несколько ватаг рыбаков было застигнуто этой бурей в море на льду, и ночной звон производили для них, чтобы указать им путь к городу. Жутко было от этого звона на душе у обывателей, но еще горше у тех, чьи братья, отцы и мужья изнемогали и замерзали на льду (...). К утру снежная буря утихла, а к обеду пришли вести с Петрушинной косы о том, что лошади, руководясь инстинктом, привезли туда на санях семнадцать замерзших рыбаков. Лишь нескольких из них удалось отогреть, а остальные несчастные, успокоившись навеки, оставили после себя осиротевшие семьи (...).

Гавань... Как это слово много говорит теперь мне, старику, вспоминающему свое детство и юность! Здесь были горы рожков и орехов, лимонов и апельсинов и всякой заманчивой благодати, за которыми мы, школяры, охотились и за эту незаконную охоту получали из-

рядные подзатыльники и даже внушительные порки.

Бывало, сегодня отдерут человека как сидорову козу, а завтра он, глядишь, опять украдкой тянет из продырявленного мешка какой-нибудь орех или рожок. Он увлекся, а сзади, как коршун, подкрадывается драгаль или владелец товара — грек... Дорого доставались лакомства, но зато как это было заманчиво! Поднимается по каменной лестнице какой-нибудь уличный забияка: вихри торчат после полученной «волосанки» во все стороны, из носа каплет кровь, а он с гордостью жует рожок, доставшийся такой дорогой ценой.

Полстолетия тому назад собственно порта

Особенно хороша и даже поэтична бывала гавань в хорошие летние вечера. Жизнь трудовая и шумная начинает затихать. Иностранные парусники чуть заметно покачиваются, поскрипывая снастями.

Из города давно уже высыпали и рассеялись по сваям рыболовы с удочками, таскают бычков и нанизывают на куканы. Большею частью это зеленая и неугомонная молодежь, вечно перебегающая с одного места на другое; но есть и солидные старцы — истинные любители, проникнутые глубокой страстью к ужению. Они ведут вечную перебранку с мальчишками за их беготню (...).

На судах тоже понемногу замирает жизнь;

родину, либо предавались земле на городском кладбище и над ними воздвигались великолепные памятники, приготовленные в лучших мастерских Италии. Я помню на Таганрогском кладбище четыре таких памятника замечательно художественной работы. Знаток способен был любоваться ими целыми часами. Любоваюсь и я, грешный, и Антон Павлович, посещавший Таганрог в зрелые годы, тоже раза два заезжал на кладбище из-за них же. Теперь же, увы, трех из упомянутых памятников уже нет, а от четвертого остались жалкие руины, на вершине которых каким-то чудом уцелела лишь чудесная фигура ангела.

С этим кладбищем связано и несколько

Дом, где родился А. П. Чехов. Фотография.

Греческая школа в Таганроге, в которой учились братья Чеховы.

Здесь Чеховы прожили с 1874 по 1876 год. С этим домом связаны первые литературные опыты молодого Чехова.

Линогравюры В. Гузя.

в том смысле, в каком его понимают теперь, не было и в помине. Была старая Воронцовская набережная (сейчас Комсомольская), которая тянулась от каменной лестницы вплоть до того места, где теперь находятся пристани Русского общества пароходства и торговли. У этих пристаней останавливались пароходы, казавшиеся тогда Голиафами, а от них, вдоль вертикальных, обглоданных волнами свай, теснились рядышком парусные суда сравнительно небольшой вместимости. Чего только не привозили в своих трюмах эти невзрачные парусники! «Привозной стол» в таможене ломился от коносаментов на греческом и итальянском языках. «Экспедиторы» с утра до ночи работали вовсю. По всей территории гавани тянулись нескончаемые вереницы нагруженных и пустых дрог. Ряды каменных магазинов, или, как их звали, «магазины» и «гамазы», стояли открытыми весь день: они поглощали и извергали из себя массы санторинских и кипрских вин, турецкого табаку в кипах, лимонов и апельсинов, громадные партии бочек с маслинами и прованским маслом.

Иностранные парусники приходили из Турции, Греческого архипелага и даже из Италии. Дальние расстояния, морские бури и штилы их не пугали. Отсюда они увозили с собой зерновой хлеб, сырые кожи и икру. Можно было пройти по берегу добрую четверть версты и все читать на кормах надписи: «Агиос Николаос», «Агиос Герасимос», «Софья», «Мевлуди-Багры», «Сан-Антонио» — и ни одной русской. Густо была населена в те времена гавань.

изредка послышится плеск ведра на веревке, зачерпнувшего воды на ночь, и гортанный говор матросов... Неожиданно на итальянском судне раздаются нежные звуки мандолины или какого-нибудь другого инструмента, и сочный баритон или тенор затягивает баркаролу своей далекой родины. Рыболовы забывают о бычках и невольно заслушиваются, а засыпающее море чуть-чуть плещет...

Антоша Чехов любил рыбную ловлю удочкой и хаживал сюда с незатейливыми принадлежностями и с жестянкой, в которой хранились черви; но это удовольствие выпадало ему на долю не очень часто: времени не было, да и родители отпускали неохотно из боязни, чтобы он не утонул.

За пристанями начинались и уходили в море молы, построенные из свай. Назывались они «палаями» и охватывали отчасти то пространство, которое отвоевано у моря теперешним портом. На этих «палаях» тоже, бывало, сидели то вереницами, то в одиночку заядлые рыболовы, и бычки ловились здесь крупные. На так называемой Петровской стрелке, входящей ныне в состав порта, когда-то сиживал с удочкой целыми часами учитель латинского языка Александр Федорович Дьяконов. Лавливал с «палей» и Антон Павлович (...).

В былые времена Таганрог был в полном смысле слова богатой греческой колонией. Еще и до сих пор памятливы имена богатейших коммерсантов-греков, управлявших судьбами города. Когда эти денежные короли умирали, то бранные останки их либо перевозили на

жутких воспоминаний. Первое из них относится к одной древней могиле, над которой стоял каменный памятник в виде высокого длинного ящика, сложенного из плит. Весь он от времени посерел, потемнел и был покрыт мхами и лишаями. Стерлась даже надпись. Но в этой могиле было что-то таинственное: сбоку памятника была щель, уходившая под землю в какую-то темную, мрачную дыру. Очевидно, это был склеп — давно забытый и начавший уже разрушаться.

Мы, гимназисты, становились на колени, заглядывали в эту щель и старались что-то увидеть и разгадать... А по спине пробегала дрожь: а ну, как по дну загадочного погреба промелькнет фигура мертвеца?! И теперь я нарочно побывал на кладбище, но древней могилы уже не нашел. Время стерло и ее. Не раз с Антоном Павловичем мы вспоминали эту жуть в его кабинете в Ялте, и на поверку выходило, что детское чувство все еще было свежо в нас.

Второе жуткое воспоминание относится к кладбищенскому колоколу, в который сторож ударял по ночам, чтобы уведомить, что он не спит и сторожит. Вообразите себе темную ненастную и слезливую осеннюю ночь. Небо точно придавленное свинцом, а на улицах топкая грязь, и в окна барабанит грустно мелкий дождь. И в это время доносится хмурый и длинный звук кладбищенского колокола... Тоже жутко и тоскливо: лучше бы уже не звонил... Под влиянием этих воспоминаний Антон Павлович написал впоследствии рассказ «Не доброе дело» (...).

П

лан, предложенный майором Сысоевым и утвержденный к исполнению, основывался на том, что рано или поздно Юрия Фастова вызовут на встречу, потребуют деньги. Если бы он сам поспешил напроситься и позвонил по оставленному мистером Деєм телефону, не было бы нужного эффекта.

Расчет оправдался. В тот день, когда поезд увозил Станислава Михайловича в Вену, жена Фастова принесла Сысоеву письмо, присланное на имя ее мужа из Москвы. Письмо было короткое: «Дорогой Юра! Дядя дал тебе свой телефон. С нетерпением ждем звонка. До свидания. Р. С.» Р. С. означает Ричард Славский. Можно было приступить к осуществлению плана.

2 декабря Фастов в сопровождении Сысоева и Краснова прилетел в Москву. Самолет сел во Внукове, когда уже смеркалось. Их встретили и отвезли на загородную дачу, где они и переночевали. По замыслу действовать Фастов должен был обязательно при свете дня, а вечером улететь обратно.

...Хозяин дома, где собирался клуб «Дискуссия», Ричард Славский действительно с нетерпением ждал звонка, потому что Джордж, которому мистер Дей как бы оставил доверенность на деньги и которого сделал своим уполномоченным, обещал Славскому тысячу рублей, если все пройдет гладко и они получат от Фастова посылку. Ричарду деньги были

нужны позарез. Наступала зима, новых иностранцев прибывало все меньше, и доставать ходовые шутки становилось все труднее. Последний раз Джордж принес ему товар две недели назад — американские джинсы, женский костюм из джинсовой ткани и два ковбойских ремня. Он выручил за это четыреста рублей и успел потратить почти все, оставался лишь четвертак. Джордж перестал ему выдавать ежедневную пятерку, потому что у него у самого стало туго. Словом, было бы как нельзя более кстати откусить сейчас хотя бы сотни две. Что будет в посылке, Джордж не угадывал. Может, золото? Тоже неплохо...

С Джорджем у него чуть раньше произошел конфликт, и, может быть, выдача пятерок прекратилась именно из-за этого, а не из-за ухажившегося материального положения Джорджа. А было вот что.

Для очередного заседания клуба Джордж привез пять бутылок шотландского виски, два блока американских сигарет и десятка два пачек жевательной резинки. Собралось девять человек, из них две девочки. Джордж опаздывал, и Ричарду пришла мысль немного выпотрошить этих болтунов, которых он, честно говоря, глубоко презирал, ибо был сугубо деловым человеком, и если предоставлял свою квартиру для словоблудия, то единственно по просьбе Джорджа. Ему всегда смотреть было больно, как эти умники выпивали, выкуривали и жевали товар, которому не знали цену. Короче, он им объявил, что сегодняшнее заседание, то есть его спирто-табачно-жевательная часть, оплачивается вскладчину, по пятерке с носа. Полный пай внесли только братья Полубрянские и толстый придурок по имени Макар. Девочки дали по рублю. У остальных денег не оказалось. У них имелись лишь идеи и мысли.

Когда расходились, порядком окосев, один из безденежных спросил у Джорджа: «Что, теперь будут брать взносы?» Ричард был на чеку и не дал развернуться частной дискуссии между Джорджем и этим кретином, но с глазу на глаз Джордж потребовал объяснений, и Ричарду пришлось сказать правду. Он думал, что Джордж его изобьет. Джордж себя сдержал, обошлось без кулаков, однако он сделал ему внушение и пригрозил отлучением от своей особы, если это повторится. И приказал вернуть деньги пострадавшим, что Ричард и сделал на следующем заседании.

Собственно говоря, клуб не давал ему никаких выгод, кроме дружбы с Джорджем. И если эта дружба перестанет приносить пользу, Ричард решил прикрыть говорильню. Ему до чертей надоело слушать братьев Полубрянских, которые страдали явным недержанием речи. Они так нудно разглагольствовали о преимуществах западной демократии, о правах человека и о великом значении свободы слова, что даже он, Ричард, один из основа-

телей клуба, совершенно озверев от зеленой тоски во время речи старшего из Полубрянских, не выдержал. Он постучал зажигалкой по бокалу и сказал, что клуб потому и называется «Дискуссия», что в нем имеет право говорить не кто-то один, а каждый. Джордж одернул его, напомнив, что старшему Полубрянскому было поручено сделать доклад, а после все они будут участвовать в обсуждении. Нет, человеку деловому, которому надо зарабатывать деньги, с трепачами не по пути.

Было два способа обеспечить себе прожиточный минимум. Во-первых, Ричарду давно предлагают место в диком оркестре, который халтурит по ресторанам, свадьбам и на танцплощадках. Он прекрасно играет на гитаре, и работенка веселая. Но все-таки работенка, а ему ужасно не хотелось тратить время, да еще вечернее, на какую бы то ни было полезную деятельность. По вечерам он привык потреблять ресторанный музыку, а не производить ее. Так что этот способ он оставлял на самый черный день, когда придется жить на сотню в месяц, которую ему выдают из зарплат родителей.

Второй способ представлялся значительно более привлекательным. Как-то Ричард на почве ночных поисков спиртного познакомился у Казанского вокзала с толковым парнем. Ричард искал водку для себя, а этот парень — для своих жильцов, сам же был трезвый, как зеркальце. У него фатер и муттер тоже были в длительной командировке. Чтобы квартира не простаивала зря, он придумал сдавать ее приезжим. Жильцов до смешного легко найти в любое время дня и ночи и в любое время года в любой гостинице, в аэропортах и на вокзалах. Он вскоре научился с одного взгляда, даже со спины, выбирать денежных постояльцев. А теперь ему и не надо никого искать, потому что клиентуру поставляют сами жильцы. Один дает адрес другому, другой третьему. И пьешь бесплатно и ешь бесплатно. А деньги он копил на машину.

Вот так. Это подходящее. Правда, есть один крупный недостаток у второго варианта: за жильцами надо убирать, выбрасывать обглоданные куриные косточки. Однако Ричард может приспособить для таких нужд любую из своих чувих.

Но сейчас требовалось перебиться, посмотреть, как будут развиваться его отношения с Джорджем. Может, ничего и не понадобится предпринимать. Во всяком случае, когда светит тысяча, глупо в такой момент ломать налаженный порядок, хотя этот порядок и перестал быть доходным.

Джордж еще в конце сентября предупредил Ричарда, что, возможно, ему позвонят от какого-то Дея и захотят с ним встретиться, чтобы передать посылку. В таком случае Ричард должен немедленно явиться туда, куда его попросят. Но Джордж ждал-ждал этого звонка и перестал ждать. А 25 ноября пришел к Ричарду, принес виски и сигарет и попросил написать письмо какому-то Фастову. И опять они начали ждать...

Звонок разбудил Ричарда в четверть десятого, и он раздраженно спросил:

— Кто?

— Ричард, мне дал ваш телефон Дей. А недавно я получил открытку.

Ричард моментально сделался обаятельнейшим человеком.

— Простите, не знаю, как вас зовут...

— Это не имеет значения, — насмешливо сказал голос в трубке. — Моя фамилия Фастов. Мне необходимо вас видеть.

— Да, да, я ждал. Где мы встретимся?

— У памятника Горькому у Белорусского.

— Холодно, — вырвалось у Ричарда непроизвольно. — Давайте лучше в ГУМе.

— Я человек приезжий, ГУМа не знаю, а возле памятника не заблудиться. Он, знаете ли, стоит себе один. — Явно насмешливо разговаривал с ним этот Фастов. Но обижаться не стоило.

— Хорошо. А как я вас узнаю?

— На мне форма моряка торгового флота. Видали когда-нибудь? Да я, наверное, и буду-то там один. Ведь холодно, говорите.

— Хорошо.

— Скажите лучше, как я вас узнаю?

— На мне будет короткая дубленка. Цвет — кофе с молоком. И шапка тоже из дубленки, пирожком.

Знакомый
почерк

— Пирожком-то оно пирожком, но для контроля суньте в правый карман газету. Что-бы торчала.

— Понял. Во сколько?

— Ну, давайте в десять.

Ричард прикинул: часы «пик», такси не схватить. Пока оденется, умоется, потом на автобусе до метро, потом на метро...

— Лучше бы в половине одиннадцатого.

— Пусть будет половина одиннадцатого.

— Привет.

— Привет...

Ричард позвонил Джорджу в жилой дом посольства, что разрешалось ему делать в исключительных случаях, а в случае приезда Фастова вменялось в обязанность.

Не называя ни себя, ни Джорджа, он сказал:

— Приехали.

— Отлично. Увидимся.

Ричард в быстром темпе побрился, умылся, проглотил принесенный вчера из ресторана кусок вареной севрюги, оделся и вышел. На лестнице вспомнил, что надо было взять газету, но возвращаться не стал — не будет пути. Газету можно купить в киоске.

Такси, конечно, в этот час поймать было трудно. Он сел в автобус и доехал до метро. В киоске купил несколько газет. Посмотрел на часы — времени хватало, даже с избытком, поэтому он не спеша выкурил сигарету. На Белорусский приехал в двадцать минут одиннадцатого. Тихо двинулся от станции кольцевой линии, дошел до вокзала, сунул газету в правый карман. Постоял, еще покурил и ров-

но в половине по пешеходной дорожке зашагал к памятнику. Все это нравилось ему, щекотало нервы, приятно было сознавать себя участником тайной операции, которая, кроме того, сулила денежки. Почти Джеймс Бонд.

Красивый молодой мужчина в морской форме ждал его у памятника, поглядывая по сторонам. Он действительно был у памятника один. Ричард на ходу снял перчатку с правой руки и улыбнулся своей нагловатой улыбкой, когда моряк посмотрел на него.

— Славский, — сказал он, протягивая руку.

Моряк пожал ее крепко.

— Фастов.

— Поговорим где-нибудь под крышей?

— Не здесь, конечно.

— Куда предлагаете?

Фастов смотрел мимо него и вдруг нахмурил брови, не ответив. Он смотрел на человека, который остановился шагах в десяти и повернулся к ним спиной — вроде тоже кого-то ждал. Ричард оглянулся, посмотрел на этого человека в серой кепке и коричневом пальто, вопросительно пожал плечами. Фастов повел глазами: мол, отойдем подальше. Отошли.

— Что такое? — тихо спросил Ричард.

— Это не с вами?

— Я один приехал.

— А может, за вами?

— Да вы что?

— Тише. Вас, видно, еще не клевали.

— Просто назначил кому-нибудь...

Ричарду показалась нелепой мысль, что за ним могут следить, но сразу сделалось уютно.

— Идемте, — сказал Фастов. — Сейчас проверим. Не оглядывайтесь. — Они двинулись по улице Горького к центру.

— Посылка при вас? — спросил Ричард.

— Зачем же носить при себе такие вещи?

— Вы где остановились?

— У приятеля.

— Далеко?

— Неважно.

— А как вы мне передадите?

— Детский вопрос. Но сначала нужно решить другой вопрос.

Дойдя до угла Большой Грузинской, остановились.

Ричард оглянулся и увидел того, в серой кепке, стоящим у газетного киоска.

— Понял? — сказал Фастов. — Но, может, это случайность. Пошли дальше.

Теперь шагали молча. На углу улицы Фучика Фастов увидел продовольственный магазин.

— Зайдем, — уже тоном приказа предложил он.

Зашли, постояли у прилавка минуты три. Вышли.

Человек в серой кепке маячил на противоположном углу улицы Фучика. Следить так неумело мог разве что безнадежный растяпа.

— Ну вот, — сказал, совсем поскуцнев, Фастов. — Теперь понятно?

Ричарду стало вдруг так холодно, словно он был голый.

— Неужели за мной? — почти беззвучно прошептал он.

— Это мы легко уточним. Идем.

Пошли скорым шагом к площади Маяковского.

— Слушайте, молодой человек, и запомните, — строго начал Фастов. — Сейчас вы спуститесь в метро и поедете куда хотите, а я пойду дальше. И все станет ясно.

Бледный и совсем потерявший свой нагловатый вид, Ричард только кивал головой.

— Часов в пять будьте дома. Вернее, ровно в пять. Если этот тип сейчас пойдет за вами, я позвоню. Если не позвоню, значит, и за мной хвост. Поняли?

— Понял.

— Если за мной хвоста не будет, передай-те дяде: посылку он получит только в собственные руки. Я рисковать не намерен.

Вот и метро. Они расстались, кивнув друг другу.

Ричард сбежал по крутой лестнице. Ступив на эскалатор, оглянулся и заметил человека в серой кепке. И все внутри у него съежилось, будто он уменьшился вдвое.

А Фастов пошел дальше по улице Горького. У телеграфа его ждал Сысоев.

— Ну, как?

— Парень квельный.

— Он знает, что речь идет о деньгах?

— Спрашивал о посылке.

— Ну, подождем пяти часов.

Они пошли вверх по улице Горького, откуда только что спускался Фастов: машина стояла в Малом Гнезниковском переулке. К тому же Сысоев хотел подстраховаться — проверить, не следил ли кто за Фастовым. Джорджа он знал в лицо — ему показывали фотографии...

Ричард в это время ехал в метро. Делая пересадку, он опять заметил человека в серой кепке. Что делать, что предпринять? Он лихорадочно соображал: раз за ним следят, значит, наверняка знают, где он живет. Значит, бесполезно петлять. Надо ехать домой. Но прежде позвонить Джорджу из автомата.

Выйдя из метро, Ричард зашел в будку и ждал, когда появится этот в кепке, но он не появился. Ричард позвонил Джорджу — телефон не отвечал.

На автобусе он доехал до дома, постоял под аркой, ведущей во двор, наблюдая за автобусной и троллейбусной остановками, — кепки не было. Но, поднявшись к себе, осторожно отодвинув краешек шторы и выглянув на улицу, Ричард увидел его прохаживающимся по тротуару. Ему захотелось реветь в голос, но он лишь заскулил и ударил себя кулаком в лоб. Почему и кто за ним следит?! Чего такого он сделал? Из-за клуба этого поганого?

Из-за Джорджа? Скорее всего из-за Джорджа. Он же не знает, совсем не знает, чем на самом деле занимается этот иностранец. Студент! Уже дедом пора быть, а он все учится. А может, никакой он не студент? Правда, он показывал как-то свой студенческий билет, но липу сделать — раз плюнуть...

Ричарда и тянуло к окну, и боялся он выглядывать. Но через полчаса выглянул. Кепка маячила на тротуаре. Что делать, что делать? И зачем только уехали мать с отцом! Остались бы — ничего бы с ним не случилось.

Телефонный звонок заставил его вздрогнуть.

— Алло!

— Видел его? — Это был Джордж.

— Да.

— Порядок?

— Ужас, а не порядок.

— В чем дело?

— Надо срочно поговорить. Только... — Ричард сначала подумал, что Джорджу лучше не приходить к нему, но тут же сам себе возразил: мало ли людей ходит в дом, этот в кепке не увидит, в какую квартиру Джордж поднимется.

— Что — только? — спросил Джордж.

— Если можешь, приезжай немедленно.

Джордж появился через полчаса. Такси он не отпускал.

Ричард встретил его словами:

— Ты около дома никого не заметил?

— Кого? Ты почему со светом сидишь?

Ричард поманил его к окну, чуть отодвинул штору.

— Видишь, в кепке и коричневом пальто?

— Ну?

И Ричард во всех подробностях рассказал, как все произошло.

Джордж слушал безучастно, будто каменный. Потом переспросил:

— Если он позвонит в пять, значит, за ним нет слежки?

— Да.

— Откуда он такой опытный?..

— Тертый мужик.

— Это ясно. Но от этого не легче. Неужели из-за клуба? Или у тебя еще какие делишки есть?

— Какие там делишки!

— А черт тебя знает. Ты же все комбинируешь.

— Комбинирую! Кошкины слезы.

Джордж закурил.

— Хорошо. Мне пока не звони, я сам буду звонить. Нашим скажи, в ближайшее время не собираемся.

— Но что мне делать?

— Вернись в институт. Или поступай на работу.

— Легко сказать...

— Не будь слонтяем. Не в коротких штанишках ходишь.

— Видишь, как ты заговорил. Я тебе уже и не нужен.

— Успокойся. Ничего преступного ты ведь не совершил, правда?

— А эти шмутки? А клуб этот твой?

— Почему же мой?

— Трепло ты.

— Но, но! Полегче. Выпей воды и будь здоров...

Джордж, подойдя к такси, обратил внимание, что чуть впереди стоит черная «Волга» с пассажиром на заднем сиденье. Он запомнил номер, сел в машину, попросил водителя свернуть на Ленинский проспект и остановиться у гостиницы Академии наук. «Волга» пошла за ними. У гостиницы Джордж вышел, забежал в бар, дошел до буфета и вернулся к машине. «Волга» стояла чуть сзади. Он велел таксисту ехать на Моховую, к зданию университета. Сомнений не оставалось: за ним тоже следят. Но для него это было гораздо хуже, чем для Ричарда.

...Сложную фигуру являл собой Джордж. Англичанин по происхождению, он учился сначала во Франции, в Сорбонне, затем окончил университет в Соединенных Штатах, где специализировался по славистике, изучал русский и чешский языки. Затем стажировался в Чехословакии, как раз в тот год, когда враждебные социализму элементы подняли там голову. После этого несколько лет работал в различных международных студенческих организациях, а в 1972 году вдруг снова решил стать студентом и приехал в Советский Союз, чтобы учиться в Московском государственном университете. По документам ему было тридцать лет, на самом же деле тридцать шесть. Он выдавал себя за сына богатого предпринимателя, в действительности отец оставил ему после смерти лишь свой поношенный гардероб и неоплаченный счет в третьеразрядной римской гостинице, где скончался. Старушка мать жила у замужней дочери в Австралии.

Деньги, и немалые, Джордж получал через благотворительные фонды, именно через, а не от. Тратил он много, потому что стремился завести как можно больше знакомств среди молодых людей обоего пола. Он был интересным собеседником, потому что повидал свет, щедро угощал, у него всегда имелись американские сигареты — чего же более? Для некоторых этого вполне достаточно, чтобы счи-

Художник Н. Беляев среди зрителей выставки.
Фото А. Гостева

Светлана САМСОНОВА

НА ВЫСТАВКЕ РАБОТ Н. БЕЛЯЕВА

Я хожу по выставке работ художника Николая Яковлевича Беляева, пытаюсь проникнуть в мир его чувств, представлений, понять, что им пережито, что осталось в творчестве из пережитого.

Вот карандашные рисунки, в основном портретные, датированные 1941—1942 годами. Небольшие, подчас эскизные, но воссоздающие живые, конкретные образы. На одном — «Автоматчик — младший лейтенант И. Ваганов», полустершаяся карандашная запись: «Уничтожил 35 немецких офицеров, ходил в разведку». Всплывая в простое русское лицо лейтенанта, я думаю, что этот маленький портрет — свидетельство негромадного героизма, документ времени самой жестокой из войн. Художник был на ее передовой, но фронтовые работы обрываются сором вторым. Ранение? Узнаю: да, и весьма тяжелое. На фронт вернуться не смог — лишился правой руки, а в искусство вернулся. Постепенно, конечно, с трудом, и можно только догадываться, чего стоило ему это возвращение.

Теперь, когда входишь в радостный мир его акварелей, то кажется, не было войны, горя, страданий, а был только нежнейший апрель, розово-золотая осень, пропитанная солнцем тропинка летнего поля и хрустящая свежесть русского мороза. Были поездки, эхо которых отозвалось оранжевым Тянь-Шанем, бежево-синими предгорьями Памира, многоцветьем различных уголков Болгарии. Ис-

точники его вдохновения — это нестареющая красота архитектуры древнего Загорска, города, где он родился и живет, пленительная среднерусская природа, впечатления от встреч с людьми. А слова, которые хотелось сказать о работах художника, я нашла уже написанными в книге отзывов: посетители говорили об их поэтичности, теплоте и душевности, музыкальности и доброте.

Искусство не дает скидок на то, каким трудом создано произведение, какой рукой написано, оно беспощадно в своих оценках. Но все же врезается в память запись в книге: «Это Маресьев среди художников».

...Иду по выставке дальше, вижу, что Николай Яковлевич с удовольствием рисует детей, не чуждается портрета и натюрморта, но все же пейзаж преобладает.

Есть у Н. Беляева одна работа, которая характерна по настроению и символична для большой части его творчества. — «Хороший день». Светлой радостью окутаны на его листах и тихая речка Воря, и зеленая полевая дорога, и Смоленская церковь Ново-Девичьего монастыря, и осеннее мелкоколосье на опушке «Поздней осени», и ранний снег, который так наряден на земле сельского дворника.

Хорошим летним настроением лучится одна из его новых работ — картина «Советские ребята». Играющая бликами солнца опушка леса, поодаль, у реки, — стадо, на пеньке пастух в фуражке, видимо,

тат такого человека самым желанным другом. Он пользовался этим то довольно бесцеремонно, то мягко и тактично — в зависимости от особенностей объекта, с которым имел дело. Но он неизменно действовал под девизом «путь к истине лежит через сомнения» и проповедовал его как и где только мог. Девиз этот очень хорош и правилен для науки, откуда он, собственно, и взят. Но Джордж прилагал его к общественному и политическому устройству, а в этих областях, хочешь — не хочешь, сей девиз приводит не к созиданию, а к разрушению. Объективности ради он беспощадно критиковал некоторые социальные установления Запада, чем вызывал порою восхищение своих малоискусшенных слушателей. А когда ты закусываешь за счет оратора и куришь его сигареты, ты в ответ на его пламенную самокритику невольно будешь самокритичным. Механика нехитрая, но в таких делах чем проще, тем безотказнее. Тут изощряться — все равно что доставать правой рукой левое ухо.

Деятельность Джорджа не оставляла вещественных улик, которые можно было бы потрогать. Она не наносила государству, в котором он проживал, материального ущерба. Ее нельзя даже было назвать враждебной пропагандой — во всяком случае, ловкий адвокат без труда мог бы доказать, что здесь нет злого умысла: ведь слушает тот, кто хочет слушать, а Джордж своих слушателей цепями к стулу не приковывал. Законодатель предусмотрел в уголовном кодексе статью, сурово карающую за физическое растление. Статьи, толкующей об идейном растлении, в кодексе нет.

Однако Джордж понимал: раз им заинтересовались, следует ожидать самого худшего. А самым худшим для него была высылка из страны. Вышлют — значит, ему надо ставить крест на своей теперешней службе и карьере. Придется преподавать русский или чешский язык.

... Ровно в пять у Ричарда зазвонил телефон. Фастов говорил из будки автомата.

— Ричард?

— Я.

— У меня все нормально. Дяде передайте, как условились. Буду рад его видеть.

И Фастов повесил трубку, не ожидая ответа.

В половине шестого Ричарду позвонил Джордж.

— Ну, что?

— У него все в порядке.

— Слава богу, хоть у кого-то все в порядке. Будь здоров.

... Наутро Ричард поехал в институт. Его отчислили с половины третьего курса, зачеты у него все были сданы. Теперь он просил вернуть его на третий курс. Деканат не возражал, но вопрос должен был решить ректор. А ректор находился в командировке. Просветленный надеждой на лучшее, Ричард по пути домой дал себе слово начать новую жизнь...

Суть идеи, предложенной Сыроевым, состояла в том, чтобы лишить подручных Скеенса — Дея возможности осуществить передачу денег. Тому, кто эти деньги хочет получить, придется или искать другого курьера, или приехать лично. Последнее было бы желательнее.

Нетрудно понять, что денег — тридцать пять тысяч рублей — никто мистеру Дею отдавать не собирался.

Опыт подсказывал контрразведчикам, что от этих денег пахнет не только валютными спекуляциями. Но даже если бы Скеенс говорил Фастову правду, масштабы операции заставляли предполагать, что конечным адресом, куда эти деньги должны попасть, станут отнюдь не портмоне безобидных туристов.

Кое-кому за кордоном необходимо располагать большими суммами советских денежных знаков. Агенту, засылаемому на территорию нашей страны, не дашь доллары или фунты стерлингов. Начав их продавать, он автоматически делается валютчиком и подвергается риску быть арестованным. А ведь агент должен выглядеть безукоризненным человеком, вести себя так, чтобы не вызывать ни малейших подозрений. Поэтому агента требуется снабдить советскими деньгами. Причем ему не обязательно нести или везти их с собой через границу. Кто-нибудь может положить их в сберкассы, получить несколько книжек на предъявителя. Как говорится в старой, уже вышедшей из моды рекламе: «Удобно, выгодно, надежно».

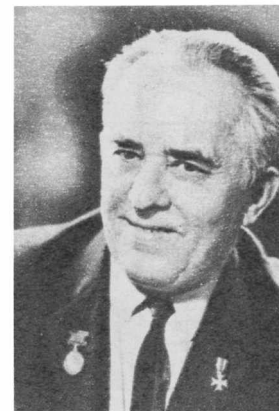
И еще одно соображение: всякая утечка денег за пределы государства наносит урон его финансовой системе. Если же из оборота изымаются очень крупные суммы, это чревато весьма серьезными последствиями...

Контрразведчики хотели верить, что Дей придет к Фастову.

Они еще не знали о поездке Станислава Михайловича к брату и о том, что с ним произошло.

Майор Сыроев, капитан Краснов и подследственный Юрий Фастов той же ночью вылетели в родной город.

Продолжение следует.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

«Первыми всходами революции» назвал в трилогии «Старая крепость» людей своего поколения Владимир Павлович Беляев. Он родился в 1907 году в старинном украинском городе Каменец-Подольске, и этот город, хотя и ни разу не названный, ярко и поэтично описан в первой части полюбившейся многим поколениям советских читателей трилогии «Старая крепость».

Существуют книги, которым уготоваана долгая жизнь. В. Беляев создал такую книгу. «Старая крепость» открывает перед читателями те теперь уже ставшие историей времена, когда Советская власть делала свои первые шаги. В жестокой борьбе, в лишениях, часто рискуя жизнью, приходится действовать молодым героям «Старой крепости». Они мужали в огне боев, их характеры формировались в сражениях — так закалялась сталь, так становились большевиками.

Современный читатель, молодой человек второй половины XX века, открыв эту книгу, ощутит не только романтику революционной эпохи, но и поймет, какой дорогой ценой была завоевана победа. Память о пережитом легла в основу трилогии В. Беляева — память, воплощенная в выразительной форме романтической художественной прозы. И не случайно, конечно, герои «Старой крепости» Василь Манджура, Петр Маремуха и Юзик Стародомский напоминают нам их замечательного ровесника Павку Корчагина. Образы эти созданы писателем емко и глубоко, они вобрали в себя черты поколения, рожденного революцией.

Мне кажутся очень точными слова Сергея Сергеевича Смирнова, написавшего о «Старой крепости»: «В вечном вопросе молодежи «делать жизнь с ког» книга Владимира Беляева еще не раз придет на помощь многим юношам и девушкам. Книга — друг и ненавязчивый учитель, она откроет им красоту и счастье подвига во имя дела народного, заставит их душой ощутить и радостное упование справедливой борьбой и гордое достоинство труда в рабочем строю товарищей. Она научит их дружбе и любви, честности и прямоте, стойкости и упорству — лучшим качествам человека и гражданина, так необходимым людям, стоящим на пороге светлого будущего человечества — коммунизма».

Лауреат Государственной премии СССР В. П. Беляев работает в разных жанрах литературы — ему принадлежат повести, киносценарии, литературно-критические статьи. Но хочется особо выделить яркую, острую публицистику писателя. В памфлетах он разоблачает украинских националистов, продолжая дело своего погибшего друга Ярослава Галана.

Владимир Павлович Беляев знает то, о чем он пишет, не по архивным материалам и рассказам очевидцев. Он прошел нелегкий жизненный путь. Произведения Беляева — это рассказы о пережитом людьми его поколения, пережитом страной. И потому так интересно читать его книги.

В. ПЕТРОВ

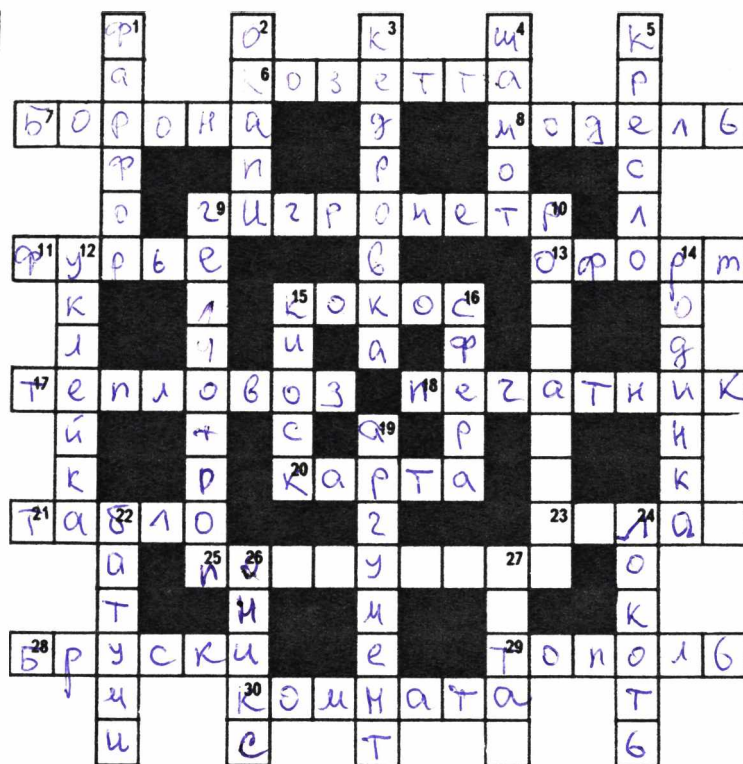
сбереженной с войны, а рядом стайка пионеров — одни читают, другие, должно быть, слушают рассказ бывшего фронтовика. Образ пожилого пастуха — это воспоминания военных лет: тропинки памяти никогда не зарастают. Воспоминания художника здесь как бы соединены с тем лучезарным миром, которым согреты его послевоенные произведения. И невольно сравниваешь его мастерство со зрелостью природы, с деревьями, напоенными соками земли, устоявшими перед бурями. Еще будет и осень и зима, но хороший день звенит в душе, освещая искусство Н. Беляева.

Н. Беляев. СОВЕТСКИЕ РЕБЯТА.

3 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ПТИЦ

Этот день, издавна связанный у народа с прилетом пернатых и началом весны, стал прекрасной традицией. Школьники да и все любящие природу люди готовят крылатым друзьям, возвращающимся в родные края, новые скворечники, синичники, кормушки. Добрый и поэтичный русский праздник.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

6. Персонаж романа В. Гюго «Отверженные». 7. Сельскохозяйственное орудие. 8. Образец нового изделия, макет. 9. Прибор для определения влажности воздуха. 11. Французский живописец XIX века. 13. Вид гравюры. 15. Плод пальмы, орех. 17. Локомотив. 18. Работник типографии. 20. Чертеж земной поверхности, звездного неба. 21. Щит со световыми сигналами, надписями. 23. Город в Азербайджане. 25. Тип письма славянских рукописей. 28. Роман Ф. Панферова. 29. Лиственное дерево. 30. Жилое помещение.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Вид керамики. 2. Животное семейства жирафа. 3. Птица, обитающая в хвойных лесах. 4. Обожженная огнеупорная глина. 5. Предмет мебели гарнитура. 9. Декоративное растение с лиловыми цветами. 10. Незаконченный роман А. С. Пушкина. 12. Пресноводная рыба. 14. Рассказ М. А. Шолохова. 15. Небольшой павильон, торговая палатка. 16. Поверхность шара. 19. Основание, довод. 22. Порт на черноморском побережье Грузии. 24. Старинная русская мера длины. 26. Минерал, разновидность агата. 27. Симфоническое произведение Н. А. Римского-Корсакова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Микроскоп. 8. Ботаницизм. 10. Анафора. 11. Алабама. 12. Тенор. 14. Святогор. 15. Аэродром. 16. Достопримечательность. 20. Мансим. 23. Камзол. 24. Балалайка. 25. Танго. 27. «Варяг». 28. Бунама. 29. Есенин. 30. Доминанта.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Кибитка. 2. Континент. 3. Кокарда. 5. Яблоко. 6. Бамако. 7. Трансформатор. 9. Травматология. 12. Трюм. 13. Рант. 17. Румб. 18. Числительное. 19. Лука. 21. Шлагбаум. 22. Эйнштейн. 26. Осока. 27. Варна.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Бригадир комсомольско-молодежной бригады Каха Кварацхелия.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Река Ингури. (См. в номере материал И. Месхи «Ингурский характер».)

Фото Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патристический — 250-15-33; Научный и техникий — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 14/III 1977 г. А 00323. Подп. к печ. 29/III 1977 г. Формат 70 × 108/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 953. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 286.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Ректор
Алма-Атинской
консерватории
Газиза Жубанова.

УС ГА

А. ЗВЯГИНА
Фото Г. РОЗОВА

кромя, не очень разговорчивая, но сразу видно, приветливая, с добрыми глазами женщина средних лет — такова Газиза Ахметовна Жубанова.

Разговариваешь с ней, и возникает ощущение, будто уже знал ее когда-то, будто встреча была хорошая и приятная. При настоящем же серьезном знакомстве ощущаешь всю яркую, внутреннюю силу Газизы-ханум — одареннейшего музыканта, композитора, известного не только у себя на родине, в Казахстане.

Сейчас многие москвичи будут называть Газизу Ахметовну в числе своих друзей, потому что руководимая ею Алма-Атинская государственная консерватория имени Курмангазы провела в Москве своеобразные музыкальные отчеты, посвященные шестидесятилетию Великого Октября.

Слушателей порадовало высокое исполнительское мастерство студентов, несомненная талантливость молодых певцов и музыкантов. Педагог и ректор консерватории, композитор Газиза Ахметовна Жубанова позаботилась о разнообразии репертуара, где были представлены и классика, и народная музыка, произведения зарубежных и советских, в том числе казахских, композиторов.

Биография Газизы-ханум — живое свидетельство замечательных перемен во всей жизни Казахстана. Отец Жубановой, композитор и музыковед, Ахмет Куанович, создатель первого оркестра казахских народных инструментов, много сделал для развития музыкальной культуры в республике, положил начало консерватории, где был профессором. Теперь его талантливая дочь успешно продолжает начатое отцом дело; они оба — каждый по-своему — развивают культуру родного народа, творят новое, только Газиза живет в наше сегодняшнее, более счастливое время, встречая отовсюду поддержку и признание.

Во время выступлений алмаатинцев в Москве я встретила с Газизой Ахметовной. С большой любовью говорила она о своей работе, о студентах и, конечно же, о своей родной консерватории... Сама Жубанова училась в Москве и окончила Московскую консерваторию по классу профессора Шапорина.

Сейчас Газиза-ханум не только ректор, но и доцент кафедры композиции; по ее классу кончила консерваторию молодая уйгурка С. Кибирова. Один из выпускников, А. Серкебаев, создал балет «Аксак-Кулан», вошедший в репертуар многих творческих коллективов республики.

Сама Газиза Ахметовна работает нынче над новой оперой — «Курмангазы», посвященной замечательному казахскому народному музыканту, домбристу и композитору, чье имя теперь носит консерватория в Алма-Ате.

ПЕХОВ ВАМ, ЗИЗА-ХАНУМ!

Дипломант международного
конкурса А. Мусаходжаева.

Концерт в Москве.

Соло на трубе — заслуженный артист Казахской ССР
Ю. Клушкин.

Дирижирует народный артист Казахской ССР Ф. Мансуров.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

